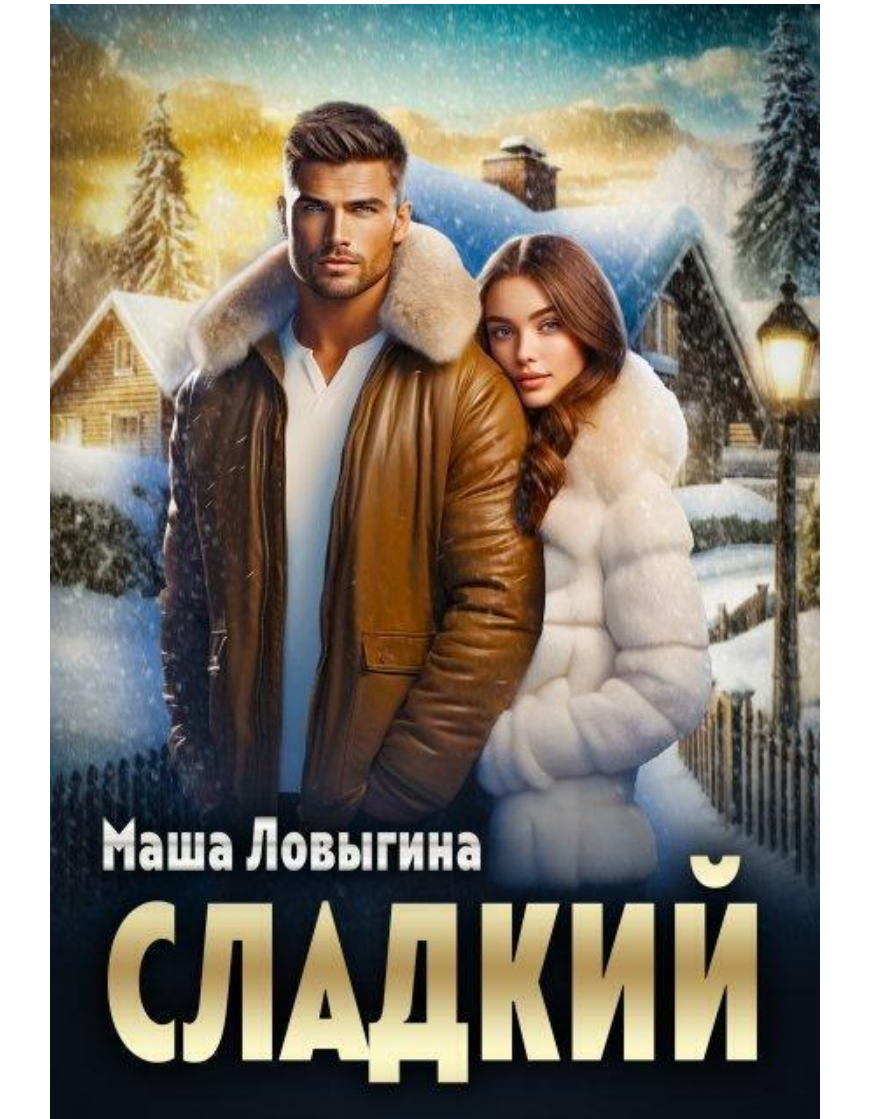

A romantic couple is featured in a snowy winter setting. The man, on the left, has short brown hair and a light beard, wearing a brown leather jacket with a fur collar over a white shirt. The woman, on the right, has long brown hair and is wearing a white puffy down jacket. They are standing close together, with the woman leaning her head against the man's chest. The background shows a snowy landscape with evergreen trees, a wooden cabin with a snow-covered roof, and a warm street lamp. The sky is a mix of blue and yellow, suggesting a sunset or sunrise. The overall mood is cozy and romantic.

Маша Ловыгина

СЛАДКИЙ

Маша Ловыгина

Сладкий

<https://litres.ru/74210782>

Аннотация

РОМАН ВЫШЕЛ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ЭКСМО, ("Озеро") в авторской серии "Тайны маленьких городов. Романы Маши Ловыгиной" Чтобы отвлечься и убежать от своих чувств, журналистка Варвара Павлова едет на остров Сладкий в Вологодской области. Ее задача - написать репортаж об этом месте. Глухомань, бескрайние леса, озеро, заброшенный монастырь, и он - мужчина, который не приемлет современных реалий и городского шума. Мистическое место заставляет Варю иначе посмотреть на многие вещи, а еще - найти свою дорогу к счастью. Сквозь пургу, недоверие и опасность...

Обложка "Обложки для книг от Катавы"

Однотомник

Содержание

Пролог	4
Варвара	9
Сильная женщина	15
Летят перелетные птицы...	22
Егор	28
Подарок от лешего	33
Несчастливая женщина	38
Ёлки...	46
Доктор не приедет	56
Что, и черти будут?	61
О зверях и не только...	69
Гадалки не врут?	76
С таким лицом только в монахи	84
Страсти	89
Сезон отчаяния	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Пролог

Книга является художественным произведением.

Все имена, персонажи, места и события, описанные в романе, вымышленные или используются условно.

Мистика окружает нас повсюду. Человек скорее поверит в чудо, чем задумается, почему оно произошло.

Апрель 1996г.

Матвей Ильич остановился и свистнул, не увидев своей овчарки. Ведь только что была здесь – носилась вокруг, лезла в голые еще кусты, шурилась, тянула носом влажный воздух, шумно отфыркивалась и улыбалась, помахивая хвостом.

Наверное, почуяла белку, подумал он и остановился, опираясь на суковатую толстую палку, найденную за полкилометра до этого. Прислушался и замер, наслаждаясь тишиной.

Хорошо, что они с женой приехали именно в это время. Ранняя весна – в городах грязь и суматоха, мутные мысли и недоговоренность. Хотя, о чем это он? Все они с ней обговорили, со всем смирились. Ну не будет своих детей, что ж теперь? Такие ситуации сплошь и рядом.

Но у нее, конечно, свои причины, которые мешают ей выйти из этого тупика. Семья... Вернее, отец, который на дух не выносит своего зятя, то есть его, Матвея. Нет детей – уходи, с другим получится. Старый упертый бобер, который никак не хочет понять, что проблема в здоровье его дочери.

Патология, которую он же и передал ей через свою кровь...

Мужчина нервно ударил концом палки о землю, подняв брызги холодной грязи.

Их последняя поездка в дом ее родителей получилась какая-то сумбурная. Рута была на третьем месяце, мучилась от токсикоза, нервничала и при этом старалась всем угодить. А этот ее папаша кривился и качал головой, все время вспоминая, на каком сроке прервались ее предыдущие беременности, что ей сорок лет, и она вряд ли уже когда-нибудь станет матерью, а то и вообще родит больного или инвалида.

Господи, кто бы говорил! Вот уж воистину, в своем глазу человек бревна не замечает...

Хорошо, что они тогда быстро уехали. И дорога им далась с трудом, и чувствовала себя Рута все хуже и хуже... В поездке они договорились, что он возьмет отпуск, и они уедут в деревню – в его деревню, от которой осталось лишь название и с десяток покосившихся домов.

Но потом снова была работа.

Все закончилось на двадцатой неделе, он сам прооперировал ее. Никто ничего не узнал. Пятнадцать лет вместе, вопреки всему, вопреки всем... Им нужно было побыть вдаль от всех, успокоиться и примириться... Подумать хорошенько над тем, чтобы взять ребенка из детского дома, пока время еще не ушло и возраст позволял.

«Да, да, это самое лучшее, что мы можем сделать!»

- Джекки! – позвал он. – Хулиганка, иди ко мне!

В нескольких метрах от размытой дороги послышался шорох.

- Джекки! Ко мне!

Собака вынырнула из-под старых, ржавого цвета еловых веток, и бросилась к нему. Нос и уши ее были покрыты иголками, к холке прилипли коричневые мокрые листья.

- Ох и попадет же тебе от мамы, грязнуля! Ну что, давай закругляться? – мужчина потянулся и расслабил шарф на шее. – Смотри-ка, как солнце уже припекает. Весна... - он присел на корточки и потрепал собаку за ухом. – Как же тебе, бедолаге, скучно будет в квартире. Ну давай, дойдем до развилки, и тогда уж точно домой.

Псина тут же сорвалась с места и понеслась по кромке, пока он, не спеша, шел следом. Минут через десять он услышал лай, а затем Джекки выскочила опять на дорогу и остановилась там, глядя прямо ему в глаза. Шерсть на ее холке вздыбилась, хвост нервно дрожал.

- Иди ко мне, девочка! – По спине мужчины пробежался холодок. Рука крепче сжала палку.

Лес этот был знаком ему с детства, он знал здесь каждую тропинку, каждое старое дерево. Старожилы рассказывали, что место это мистическое, энергетически заряженное, но сам он никогда ни с чем потусторонним здесь не сталкивался. Хотя, энергетика, действительно, присутствует.

Что могло померещиться собаке? Наверное, увидела мышь, их тут в последнее время развелось много.

Собака осталась стоять, но как только он сделал первый шаг, тут же юркнула обратно в лес.

- Что ты там нашла? — он огляделся и прислушался. - Джекки! — он заторопился, почувствовав, какими влажными стали руки.

Продираясь сквозь сырые ветки и проваливаясь в слежавшийся, подернутый коркой, нарастаявший снег, он вошел в лес и покрутил головой. Собака заскулила, а затем снова залаяла. Он пошел на ее голос и вскоре увидел, как Джекки, растопылив задние ноги, стоит к нему спиной, напряженно опустив голову. Из ее горла доносился какой-то утробный звук, которого он никогда раньше не слышал от нее.

- Ну что там такое, горе ты мое? — Мысли крутились между сдохшей полевкой и раненой птицей. И то, и другое могло бы, пожалуй, привести городскую собаку в столь нервное состояние.

Матвей Ильич перехватил палку в другую руку, чтобы было удобней взяться за ошейник. Прищурившись, попытался разглядеть собачью находку между прелой черной травой, комьев снега и вздыбленных древесных корней. Джекки тянула носом воздух, скребла когтями землю, и липкие комья ее летели в его сторону.

Сердце тревожно заныло. Пришлось потереть грудину и несколько раз вздохнуть и выдохнуть. Инфаркта еще не хватало... не приведи господи, помереть в лесу. Рута не переживет.

- Пошли отсюда... Померещилось тебе. Нет здесь никого... И ничего... - он коротко свистнул и, не оглядываясь, заторопился прочь. Джекки побежала рядом.

Варвара

Наши дни.

Варвара стояла уже минут пять в коридоре и раздумывала над тем, в чем топать на работу. Глубоко внутри она осознавала, что просто не хочет никуда идти. А все потому, что сегодня возвращается Олег. Возвращается в редакцию и в ее жизнь. Правда, уже женатым человеком. Как же быстро устраиваются некоторые – выныривают из прошлых отношений и с легкостью заводят новые, стирая из памяти все, что было до этого. У нее так не получается...

Она до сих пор помнит его запах, голос и улыбку. И фотография, где они сидят за столиком в ресторане, все еще стоит у ее кровати.

Конечно, Олег никогда серьезно и не относился к их встречам, и это она все додумала и досочинила, разукрасила вензелями и кружевами фасад, который давно требовал даже не ремонта, а сноса с помощью экскаватора. Почти год вместе, Варвара почти свыклась с мыслью, что это навсегда.

Олег был старше, опытнее, основательнее. Взял под крыло только что окончившую журфак провинциалку, натаскал, сделав из нее профессионального репортера, заставил поверить в то, что она все сможет. Познакомил с нужными людьми, разжевал и скормил с ладони тонкости практической журналистики. Аккуратно настроил ее, как скрипку,

чтобы она стала послушным инструментом в его руках. Они стали близки совершенно естественным образом, когда ехали в СВ на фестиваль новостных программ. И потом провели две незабываемые недели у моря, непонятно как находя время для освещения программы между постелью, встречами и короткими набегам на пляж.

Любой психолог сказал бы, что в лице Олега она искала отца, и оказался прав. Ей бы даже в голову не пришло доказывать обратное. Ее родители разбежались, когда ей исполнилось четыре. Мать осталась в Вологде, а отец умотал в Красноярск, где вскоре женился и завел себе еще парочку детей. Похоже, что история, приключившаяся с ее матерью, повторяется и с ней. Вот только, кроме фотографии и кое-каких забытых вещей и подарков, больше ничего Олег ей не оставил. У матери, хотя бы, была дочь – она, Варвара.

Думать о матери было трудно до сих пор, хоть с момента ее ухода прошло уже почти три года. И даже если развод стал спусковым крючком к болезни Зои, Варвара не могла осуждать отца. Мать была сложным и тяжелым человеком, и уж кому как ни ей, знать об этом.

Натянув зимние сапоги, Варвара застегнула пальто и повязала шарф. На улице небольшой минус, снег, но метро рядом, так что нет смысла портить шапкой прическу. Ведь Олегу нравятся ее длинные волосы... Придирчиво оглядев себя в зеркало, она запустила пальцы в густую каштановую шевелюру и провела до самых кончиков. Надо всегда держать нос

по ветру, и что б никто не догадался, как же хреново может быть на душе. Главное, чтобы костюмчик сидел, глаза сверкали, а губы улыбались.

Хорошая дрессировка, Олег! Спасибо тебе огромное.

До офиса она добиралась сорок минут и приехала вовремя – умению рассчитывать время научилась еще со студенческой скамьи. Нестерпимо хотелось кофе, и это было атрибутом включения в рабочую волну. Дома она принципиально пила только воду с лимоном и травяной чай, что было просто необходимо после литров черного «гремучего» напитка, выпиваемого во время работы и командировок.

В редакции было оживленно, и Варвара, моментально попав в привычную круговерть, расслабилась, перестав все время думать об Олеге. Следовало еще раз пробежаться глазами по статье, прежде чем сдать ее главреду, затем прозвониться по адресам и явкам в поисках интересных криминальных сюжетов. Ее, конечно, вполне по-дружески будут посылать или, наоборот, приглашать на свидания, но Варвара не теряла надежды выудить хоть какую-нибудь информацию, чтобы накатать еще пару-тройку заметок. Конечно, ей хотелось чего-то большего, чем клишированные строки о разбоях, мошенничествах и бытовых убийствах, но специфика ее работы была именно такова. И как бы она ни старалась, когда писала статью о понижении возраста ответственности за уголовные преступления, написанное все равно отдавало казенщиной. Главный редактор, Семен Аркадьевич,

посмотрев на нее своими влажными, миндалевидными карими глазами изрек:

- Варенька, голубка, сделай так, чтобы они поняли.
- Кто они? – нахмурилась она. – Подростки?
- Подростки газет не читают... Родители, - крикнул Семен

Аркадьевич, с трудом вмещая грузное тело в редакторское кресло.

Она и так, и эдак выжимала из себя несколько абзацев, но перед глазами нет-нет да возникали свадебные снимки Олега, которые он щедро разместил в соцсетях.

Хорошо, что не выставил их в "витрине" - прямо на первой полосе. Ему же есть, чем хвалиться – брак с дочерью банкира открывает так много возможностей...

Варвара отвела взгляд от компьютера и посмотрела в окно. Взгляд ее вдруг сфокусировался на роскошном букете роз, стоявшем на подоконнике. Надо же, откуда? Даже не заметила его, когда вошла.

Рядом с ее крошечным кабинетом находился рекламный отдел, где работала Римма.

- Привет! – Варвара заглянула внутрь и увидела, как приютельница красит ресницы.

- Привет, - ответила та и вытянула губы трубочкой. – Кофе будешь?

- Буду!

- Заваривай.

- Слушай, Римм, а что это за букетище у меня стоит?

- Не знаю, спроси кого-нибудь другого.
- Что бы ты и не знала? Ну, колись, давай!
- Отстань. Это твои поклонники. Я – мужняя жена, мои букеты кончились много лет назад и три беременности.
- Твой муж ценит тебя за твой ангельский характер.
- За то, что я мечусь как сраный веник, ага. Что там с кофе?

- Готов. – Варвара налила кипяток в чашки и поставила их на стол.

- Конфетки? – предложила Римма.
- Нет, - Варвара вдохнула терпкий аромат, и на глаза тут же навернулись слезы.

Римма моментально ткнула ее в бок:

- Ну-ка, не раскисай. Ты чего? Из-за него, что ли?
- Никак не могу привыкнуть, что мы... что он...
- А я тебе говорила!
- Он тоже говорил. Но мне казалось...

Римма шумно втянула носом воздух и поставила чашку на стол:

- Только работа, Варь, способна привести в чувство. Еще скажи, что любишь этого хмыря до сих пор!

Варвара промолчала. Вываливать скопившееся внутри не было ни сил, ни желания. Хештег сама виновата и так был написан на ее лбу крупным типографским каноном. За две недели, пока Олег Витальевич Разумов, замредактора, наслаждался свадебным путешествием на Мальдивы, она хотя

бы перестала вздрагивать от шагов в коридоре.

- Он возвращается сегодня, - не выдержав, произнесла тусклым голосом.

- Угу, в курсе уже. Но ты держись, как завещал товарищ Медведев, - хмыкнула Римма. – В жизни, знаешь, надо быть сильной.

Сильная женщина

Варвара старательно изображала сильную профессиональную женщину еще несколько часов, благо возможностей было с избытком. Съездила в пресс-центр МВД, где взяла парочку коротких интервью о текущих расследованиях на шумевших экономических преступлениях, на всякий случай завернула в местный РОВД, но у них, кроме пьяной драки между соседями, больше ничего интересного не нашлось.

Когда она вернулась в редакцию, то сразу поняла, что Разумов вернулся не только теоретически, но и практически. Его громовой смех был слышен уже с порога, и она задохнулась от воспоминаний, так некстати возникших перед внутренним взором. Варвара намерилась решительно пройти мимо его кабинета, но он, словно ждал ее - открыл дверь и воскликнул:

- Варенька! А мы только тебя и ждем, рыбка ты моя золотая!

Ее накрыло удушливой волной, ноги отяжелели.

- Здравствуйте, Олег Витальевич. С... с возвращением.

В кабинете звенела посуда, пахло чем-то копченым, и слышались голоса сотрудников редакции.

- Ну что ты как неродная, Варь, - Олег прикрыл дверь и, бросив быстрый взгляд по сторонам, приобнял ее за плечи.
- Чай не чужие!

- Чужие, Олег Витальевич, - Варвара аккуратно избавилась от его объятий и отступила на пару шагов.

- Ты цветы мои получила? – улыбнулся Олег, словно не замечая ее тона.

- Твои? – сглотнула она. – Зачем?

- Котечка моя, - Разумов подошел ближе и, вцепившись в пуговку на лифе ее платья, легонько подергал ее, - я же тебе все объяснял. Мой брак – это вынужденная мера. Так сказать, слияние капиталов. Два моря, которые сливаются...

- Олег, убери руки! Сливайся с кем хочешь. Меня это больше не волнует, - хрипло ответила она, хотя сейчас с трудом сдерживалась, чтобы не прильнуть к нему по привычке.

Он почувствовал это – его глаза, улыбка, самодовольное выражение загорелого лица – все говорило о том, что он выучил Варвару вдоль и поперек.

- Я приеду к тебе сегодня? – изрек он интимным полупешотом, от которого у нее затряслись руки и гулко забилось сердце.

- А как же жена? – только и смогла выдавить она.

- У жены семейные посиделки. А я проставляюсь, так что могу задержаться на пару часов. Или даже дольше. Все зависит от того, во сколько мы с тобой уйдем. – Он склонился ниже, к самому ее уху: - Давай уйдем пораньше? Я так соскучился по твоим... - Его ладонь недвусмысленно скользнула к ее груди.

Он не успел закончить, как двери распахнулись и на по-

роге появилась Римма. Мгновенно оценив обстановку, она скомандовала:

- Варя, ты вернулась? Очень хорошо. Тебя Семен Аркадьевич искал.

- Спасибо! Извините, Олег Витальевич, я должна... мне надо... - Варвара рванула к кабинету редактора, будто на самом деле поверила словам Риммы.

Ее распирало от обиды, от желания дать ему пощечину, а потом расплакаться у него же на плече. Нужно было срочно уходить, иначе могло произойти что-то ужасное и некрасивое, вроде выяснения отношений. А ей и так было противно от того, что она опять размякла, развесила уши, стояла там и дышала его запахом, словно до этого не рыдала в подушку несколько ночей после финального разговора. Как ему вообще удастся вить веревки из всех, кто попадает на его пути?

- Семен Аркадьевич, - Варвара влетела в кабинет редактора и, не успев отдышаться, выпалила: - Там вас ждут! Разумов поляну накрыл.

Семен Аркадьевич сдвинул очки на кончик носа и посмотрел на нее поверх них.

- Разумов... Разумов... - задумчиво протянул он, а потом кивнул: - Очень хорошо, Варя, что ты зашла. У меня к тебе есть отдельный разговор.

«Господи, неужели это касается Олега?..» - она села в кресло, выпрямила спину и сложила руки перед собой. В горле пересохло. Все знали о том, что между ними происхо-

дило, и, естественно, жалели ее. Но сейчас, когда Разумов женился, вероятно, будут увещевать ее смириться и отстать от него. Будто она собирается виснуть на нем! Умерла так умерла!

- Если это касается... - начала она, но редактор, закинув ногу на ногу, постучал по столу ручкой.

- Ты ведь смотрела интервью со скопинским маньяком?

Варвара несколько раз моргнула, не сразу сообразив, что он от нее хочет. Но потом медленно кивнула.

- Ну, тема такая... э... - Семен Аркадьевич поморщился, - трендовая. Вот как думаешь, если нам сделать большую статью на разворот об этом, а?

Варвара поерзала, приоткрыла рот, а затем снова его закрыла.

- Говори, что думаешь? - не отставал редактор.

- Знаете, Семен Аркадьевич, вы, конечно, правы. Сейчас все об этом говорят, - осторожно заметила она. - Тема заманчивая. Но, мне кажется, - откинув волосы, Варя потеряла висок, - даже не знаю... Столько лет прошло, и вот его выпустили. И этот тип улыбается с экранов телевизора, словно так и надо. Получается, как в песне, – шоу должно продолжаться. Противно. К тому же, в этом вопросе мы уже даже не вторым эшелонem пойдем...

- Так и я про то, Варя! – оживился Семен Аркадьевич. – Нам туда не надо. Нам надо параллельно, понимаешь?

- Не совсем...

В коридоре раздался женский, а следом мужской смех, и Варя, вздрогнув, уставилась на дверь.

Когда голоса стихли, редактор поманил ее пересесть поближе, за стол. – Ты из каких краев у нас будешь? Из вологодских ведь?

- Да, точно.

Семен Аркадьевич покрутил ручку между ладоней:

- А хочешь навестить родные пенаты?

- В смысле, в отпуск съездить? – растерялась Варвара.

- В смысле, написать статью.

- Ну... - протянула она, хотя внутри в этот момент просто взорвалось: «Да! Да! Да! И можно прямо сейчас!»

- Есть у меня один хороший знакомый в «Вологодских ведомостях», еще со времен журфака. Но он потом юридическое получил и даже в МВД поработать успел. Так вот... Очень интересный вариант – командировка на остров Сладкий. Там рядом - остров Огненный, на нем – тюрьма строгого режима, а в той тюрьме...

- Игла. Разломишь ее, и смерть твоя придет... - продолжила Варвара.

- Тьфу, не путай меня! – рассмеялся редактор. – Ты слышала об этом месте?

- Если честно, то совсем поверхностно, - не стала набивать себе очков Варвара. – Я уехала из Вологды девчонкой совсем и была там последний раз, когда маму хоронила. Потом как-то все закрутилось...

- А может, время пришло? В родные края наведаться?

Она задумалась, а потом спросила:

- Вы что-то конкретное имеете в виду касательно репортажа?

- Да, конечно! Смотри, чтобы добавить остроты в статью, тебе надо пообщаться с жителями острова, разузнать какие-нибудь истории о сидельцах, может, в архивах покопаться... Маньячество на Руси, а?! Как тебе?

- Ну скажете тоже, - выпучила глаза Варвара. – Маньячество - одна из ипостасей зла человеческого. Общемирового, если быть точной.

Дверь приоткрылась и в щель просунулась голова Олега:

- Мы ведь только вас ждем! Ну давайте уже присядем и отметим мой новый статус? – глаза его ласково ощущали ее лицо.

- Пять минут, Олег Витальевич! – махнул рукой Семен Аркадьевич и тут же пристально посмотрел на Варю. – Что скажешь, Павлова?

- Когда ехать? – спросила она и почувствовала, как вспыхнули щеки: "Ах, Семен Аркадьевич, какой же вы молодец!"

- А ты оформляйся с завтрашнего дня, хорошо? - редактор подмигнул и пододвинул к себе клавиатуру.

Варвара задумчиво подергала себя за пуговицу, которой недавно касался Олег.

- Можно я поеду сегодня ночным? А командировку мне Римма оформит.

- Вот и славно, Варюша. Тогда я контакты тебе на почту пришлю.

Летят перелетные птицы...

И все же, принять решение - еще не значит его выполнить, думала Варвара, торопливо шагая по коридору редакции. Ей же все равно придется вернуться. И что тогда? Хватит ли у нее сил, чтобы и дальше сдерживать оборону? Господи, могла ли она представить, что ей вообще придется обороняться от Олега? Он же ничего ей не обещал. Но так бывает - при-выкаешь и уже не представляешь, каково это остаться в стороне. Даже сейчас, когда Олег, по сути, отказался от нее, он все равно продолжает жить в ее голове. А она, как удивленная молодая муха, попавшая в паутину, верит в то, что все как-нибудь сложится, и паук ее не тронет. Тронет, еще как...

Когда Варвара вышла на улицу, в кармане пальто зазвонил телефон. Ей не нужно было даже смотреть на экран, чтобы понять, кто это. Ничего, с глаз долой - из сердца вон! Римма права: работа лечит лучше всего. Правда, еще говорят, что расстояние сильную любовь только разжигает, но теперь она и сама не знает, какая у нее любовь - сильная или слабая.

Начался снегопад. Снежинки кружились в медленном вальсе и, казалось, даже не собирались падать на землю. Варвара подняла голову и закрыла глаза, чувствуя, как микроскопические холодные звезды обжигают кожу. Телефон булькнул сообщением.

"Птичка моя, ты куда улетела? Возвращайся!"

Варвара вспыхнула и обернулась. Олег улыбался, глядя на нее через окно.

"Не могу, мне пора... - постучала она пальцем по запястью и развела руками. - Мне уже давно нужно было лететь от тебя как можно дальше..."

Ведь все она знала про него. Не было там никакой любви, а была некрасивая, перезрелая и глуповатая наследница папиных капиталов. А еще - желание Разумова комфортно устроиться в жизни. Разве можно его за это осуждать? Социум диктует свои правила, и приходится им соответствовать, чтобы оставаться на плаву. Ей же тоже нужно как-то барахтаться. А без помощи Олега она вряд ли справилась. Во всяком случае, времени на это ушло бы гораздо больше. Он научил ее одеваться и выглядеть на миллион, не тушеваться на интервью и переть вперед, как танк. Влюбиться в него оказалось так просто, что она сама не заметила, как это произошло. И самое страшное, что она не ревновала Олега к его некрасивой жене, она жалела ее, как жалеют тех, кого всегда будут обманывать за спиной. Но становиться причиной этого обмана Варвара точно не хотела.

У нее оставалось еще достаточно времени, чтобы собраться в дорогу. Билеты она заказала на сайте, а контакт хорошего знакомого редактора занесла в телефон.

- Патрикеев, - несколько раз повторила она, чтобы не забыть фамилию и не запутаться в огромном количестве имен в своей телефонной книжке. - Как лиса Патрикеевна.

Теплый душ, свежая укладка, одинокий ужин из зеленого салата и авокадо, и чашечка бледно-зеленого травяного чая без сахара.

В ярко-красный пластиковый чемодан отправилось нижнее белье, парочка водлазок и платье. Главное правило, которое Варвара усвоила от Олега, это всегда выглядеть женственно. Куда не глянь, дамы сплошь и рядом в джинсах, так что со спины порой и не поймешь, какого пола их носитель. К тому же, к красивой девушке в платье и отношение другое. Для такой чаровницы мужчины готовы в лепешку расшибиться. Вот только тот, который был ей нужен, не собирался этого делать. В смысле, разбиваться в лепешку. Разумов вообще был натурой цельной и непробиваемой.

- Так, что еще... - Варвара положила фен и косметику, духи и любимый гель для душа. - Колготки!

Колготки обязательно должны быть качественными, а качественные стоят дорого. Зато и вид потрясающий, и чувствуешь себя королевой. Как и с бельем - никто его не видит, но уверенности тебе оно точно придает.

- Все, пора! - она присела "на дорожку" в коридоре и несколько раз глубоко вздохнула.

Да, ей придется вернуться. Побег, а это выглядело именно так, всего лишь слабая попытка отсрочить неизбежное, а именно, мучительную борьбу с самой собой.

На вокзале, как всегда, было многолюдно, и Варвара немного отвлеклась, пока двигалась по эскалатору, а потом

искала нужный выход на платформу. Пахло жженой резиной и горячим металлом, сквозило. Но от влажного холодного воздуха ее защищала шубка, которую она надела в последний момент, вовремя вспомнив, что все-таки едет на север. Не на крайний, конечно, но мало ли. К тому же, шубка была подарком Олега на ее двадцатичетырехлетие, и как бы ей не хотелось отгородиться от всего, что с ним связано, не выбросишь ведь это пушистое сокровище.

Поезд вытянулся темной лентой, и, как всегда, от одного только его вида Варю охватило немного тревожное чувство. Человек испытывает разные эмоции, когда отправляется в дорогу, но чаще всего, это именно вот такое будоражащее волнение. Все вдруг меняется, ты отрываешься от привычных вещей, и даже не догадываешься, что ждет тебя в пункте назначения.

В купе она оказалась вдвоем с приятной женщиной в возрасте. Семен Аркадьевич никогда не возражал против комфортных условий для переездов и включал расходы в командировочные. Уж там на месте, думала Варвара, можно будет обойтись не люксом, а полулюксом. Ей бы, конечно, нужно было сразу заказать номер в гостинице, да и по-хорошему, сначала изучить задание, но сил на это уже не было. Ничего, на месте разберется, не в первый раз.

- Домой едете? - спросила соседка после того, как раздался гудок паровоза.

- По работе, - коротко ответила Варвара.

На удивление, разговоров вести не хотелось. Нет, если бы сейчас был день, то, наверное, Варвара бы с удовольствием пообщалась с приятным человеком, но за сегодня ей пришлось столько перемолотить языком, что теперь хотелось лишь молчать.

- Духи у вас какие приятные, - не отставала соседка.

- Спасибо, - улыбнулась она и подумала, что Олегу они тоже нравятся. Сама она не очень их любила, но вот, поди ж ты, привыкла и даже не замечает, как автоматически наносит их на кожу.

Как будто метку - вот, мол, все для тебя.

Принесли белье. Несколько минут они обе занимались тем, что стелили постели, время от времени сталкиваясь бедрами и локтями и шепотом извиняясь.

- Хотите домашнего пирога? - предложила соседка, когда они вновь оказались друг напротив друга за небольшим столиком.

- Нет-нет, благодарю! Я, наверное, спать буду ложиться. У меня рано утром встреча. Надо выспаться, чтобы прилично выглядеть.

- Ой, в ваши-то годы, чтобы отлично выглядеть, никаких усилий прилагать не надо! Не будете против, если я посижу немного? Люблю почитать в дороге.

- Конечно, читайте. Как же хорошо, когда соседей нет, правда?

- Зато плацкарт битком. А за все хорошее надо платить.

Да и на остановке подсесть могут.

Варвара стянула юбку и аккуратно сложила ее в ногах. Вагон ритмично покачивало. Вытянувшись и закинув руки под голову, она смотрела на то, как мелькают тени на стенах и верхней полке, и думала о себе, об Олеге, и о том, как же все сложно.

Егор

Новозеро

Топор с глухим звуком впился в колоду, и Егор поморщился, когда снег окрасился пятнами крови.

"Черт, никогда я, наверное, к этому, не привыкну..."

И все же, руки продолжали свое дело: освеживали, потрошили. Холодильника в избе нет, зато есть небольшой подпол, но там свежее мясо долго не лежит, а тушенка уже в глотку не лезет. Так можно желудок посадить очень быстро, если все время питаться консервами. В городе об этом не задумываешься, жрешь все, что на тебя смотрит из красивой обертки или банки, а что там внутри? Поди, прочитай мелким шрифтом и есть не захочешь. Вообще вся эта мишура и фантики - сплошной обман, не имеющий к настоящей жизни никакого отношения.

Как там отец любил говорить: полезна та еда, за которой побегаешь или поухаживаешь. Ну, прав, чё. Кто бы спорил. Другой вопрос, что когда ты эту еду выступишь, догонишь, а потом вскинешь ружье, то почему-то самому сдохнуть хочется. От приступа жалости. Оно, конечно, быстро проходит, но реально бесит. Что-то там внутри еще осталось от этой самой сентиментальной мишуры.

А самое смешное, что так же и с бабами: ухаживаешь за ней, в глаза заглядываешь, веришь, всю душу перед ней

выворачиваешь, а она, бац, и рога наставляет. И главное, с кем, с твоим лучшим другом! Экзотики захотелось, ревности, страсти. На, мол, смотри, я нарасхват! Ну, нарасхват, значит, того... хватай, кто успел. Баба что, друга терять жалко. А придется. Вместе им теперь точно не работать...

- Э-эх, - топор вновь сверкнул лезвием и вошел во влажное дерево.

Не иначе черт его попутал жениться на этой кукле. Повелся, как мальчик, на красивый фантик. Работал как вол, чтобы и квартира большая, и машина, а ей все мало было. Клинику открывали - все до копейки в нее уходило, так Юлечка злилась, губы дула. А то, что он сам и приемы вел, и за операционным столом стоял, ночами дежурил, чтобы расходы сократить - это ерунда. Только вроде налаживаться стало, и вот, на тебе - подарочек. Клялась и божилась, что ничего не было, да только видел он все своими глазами... Собрал вещи и сюда рванул. Остыть, подумать... Благо, было кому свои операции отдать. Ну а друг... Как в песне, оказался вдруг... Да и не вдруг, что он, Димку не знал? Знал, в соседних домах жили, в одну школу ходили. Только потом Егор к отцу на работу в больницу бежал, а Димон по подъездам девченок щупал.

А так, Димка, конечно, финансист отличный. Он и предложил клинику открыть, мол ты хирург - руки золотые, а я башкой работать буду. Что ж, сработались всем на зависть, пока баба-дура не влезла. Хорошо, детей не успели завести.

Как бы их такой оставить? Уж лучше вообще... никак. И из детдома не возьмешь, потому что одинокому мужику нет на то права. Фиктивный брак? Упаси господь еще раз в эти сети попасть, от этих бы избавиться.

Думай, Егор, думай...

Ты ведь сюда за тем и приехал, чтобы всю лишнюю хрень, как шелуху, с себя скинуть. В себя прийти. Думал, месяца хватит, а, поди ж ты, второй пошел... И ведь все больше затягивает эта лесная жизнь - даже спать наконец-то стал, а то без таблеток и стакана на грудь уже и не получалось. Руки по утрам трястись начали. А для хирурга это профессиональная смерть.

В общем, все сошлось одно к одному - и работа, и нервы, и гуляющая жена в придачу. Бывает, да...

Егор вдохнул морозный воздух и огляделся. Сугробы наметало по пояс. Каждый день у него теперь зарядка - лопатой махать во дворе. А со двора на лыжах. Все, что осталось от деревни, или под снегом, или у него в поленнице. И то дело - не надо лес рубить зря. В общем, хорошая зима, правильная. Лед на Новозере полуметровый встал, лунки застывают только в путь. Надо бы, конечно, еще и рыбки наловить для разнообразия. Но на днях обещали сильную пургу, так что не до рыбалки пока. К тому же, сушеная ешь, с осени еще.

Вот и пришлось в лес с ружьем идти. Когда снегом засыпать начнет, не до охоты будет. А так, перекантоваться можно. Картошки, крупы и макарон он еще в прошлые выход-

ные прикупил. Не хотелось, конечно, тащиться за продуктами на остров да все одно - надо. До Анашкино в разы дальше, а Сладкий - вот он, через озеро. А там, к сожалению, незамеченным не останешься. Народу-то с гулькин нос, какое новое лицо на заметку. В первый раз появишься, может, и не окликнут, а коли зачастишь, одно дело - спросят. Все правильно - чужие здесь не ходят. Вон он - Огненный, тюрьма строгого режима. В его сторону даже смотреть страшно, будто волной ледяной окатывает. И даром, что в монастыре тюрьма теперь, святым это место не назовешь...

Вот то ли дело, тут недалече - тоже монастырь строили, а что-то не пошло, только стены остались да несколько фресок. Может, поэтому места тут такие... дивные...

И народ здесь интересный. Ведь живут у черта на куличках, в холоде да беспросветности, а, смотри-ка, улыбаются, здороваются, спрашивают.

Проще было бы ответить, что в соседней деревне живешь, да только у людей глаза есть. Так и пришлось зазнакомиться походя, но без реверансов, чтобы лишних вопросов не задавали. Незачем. Дружбы он тут ни с кем водить не собирается. Пусть оставят его в покое и сами живут спокойно.

Злой он стал, как цепной пес. Были бы живы родители, пожалели бы. Он бы им в колени ткнулся как щенок бездомный... Только ведь он бездомный щенок и есть. Подобрали, обогрели, человеком сделали. Отец от инфаркта умер, мать годом позже. Так тосковала по нему, что спала с его фотогра-

фией. Да, были они уже не молоды, но, черт возьми! - Егор тяжело вздохнул, - за такую любовь и умереть не страшно

В избе было хорошо. За ночь печь немного остыла, но не настолько, чтобы опять ее загружать. Накануне вечером протопил, так что хватит еще. Хорошая печка. Хоть с виду и неказистая, а сделана на совесть. На Сладком вон редкий дом с такой-то печью. И ничего, справляются. И он справится. Нужно просто еще немного времени. Скоро Новый год. Вот с него все и начнется. Новое... Развод, дележка... Клиника, пропади она пропадом...

Взгляд его зацепился за собственное отражение в маленьком зеркале с отбитым уголком. Странно было осознавать, что этот отшельник еще совсем недавно ходил в белом халате и тщательно берег свои руки. Но что-то изменилось в нем именно здесь, на Новоозере. Все было сложно, но ему, Егору Столетову, здесь было хорошо.

Вот и долой его, зеркало это! - Егор отодрал его от стены, и оно развалилось надвое в его руках. Как и его жизнь.

Подарок от лешего

Внезапно от раздумий Егора отвлек донёсшийся со двора непонятный шорох. За время, проведенное наедине с природой, он уже привык к той необыкновенной музыке, которую круглосуточно издавал лесной оркестр, и сознание успевало с точностью определить, что это - шум листвы или упавшая шишка, шелест крыльев или оханье и скрип деревянных стен и балок в моменты изменений погоды. Все эти звуки Егор знал и помнил с детства, потому что этому его научил отец, равно, как и всему остальному, чему старший мужчина должен научить младшего - профессиональным и житейским навыкам, отношению к миру и людям, выдержке и трезвому взгляду на вещи. Только вот личная жизнь, к сожалению, не поддавалась логике и пониманию - любовь, или то, что за нее принимается, порой запутывает человека похлеще любого карточного шулера.

Егор прислушался: звук повторился. В заиндевавшем окне будто мелькнула тень. Рука сама собой потянулась к охотничьему ружью.

"Волки?" - промелькнула ставшая уже привычной мысль. О таких вещах не следует забывать, особенно когда окрест на несколько километров лишь глухая лесная чаща. Запах свежей крови для хищника притягателен на любом расстоянии, так что нечего удивляться, если кое-кто из серой братии

не смог удержаться от соблазна и приперся сюда из желания подкрепиться.

В любом случае, следовало хорошенько шугануть проходимца, чтобы и другим неповадно было.

Держа дуло перед собой, Егор вышел в небольшие сенцы. Осторожно переступая по застывшим, въевшимся в землю деревянным доскам, он приблизился к входной двери и замер на несколько секунд. Затем, пнув ее с ноги, тут же вдавил приклад в плечо. Палец дрогнул, но замер в последнюю секунду.

От увиденного Егор остолбенел, а затем и вовсе опустил ружье.

Вокруг деревянной колоды метался черный пес - худой до такой степени, что ребра выпирали с двух сторон, словно два бурдюка, неизвестно как державшихся на обтянутом кожей и свалывшейся шерстью скелете, да и на спине можно было пересчитать все острые позвонки. Приседая на задние лапы то ли от слабости, то ли от хвори, пес тянул носом воздух и клацал зубами. Не успел Егор опомниться, как он стал заглатывать комья снега, пропитанные заячьей кровью.

К горлу подступила горечь.

- Эй, не-не, брат! Ты зачем... фу! - крикнул Егор, и пес тут же отскочил, но, запутавшись в собственных лапах, повалился и тяжело задышал.

Он сглотнул и перехватил ружье в другую руку. Держа пса в поле зрения, обошел животное. Псиное дыхание облачка-

ми вырывалось из черных ноздрей и пасти, но пены, как боялся Егор, не оказалось. Вокруг собачьей шеи он заметил даже не ошейник, а толстую бечевку, которая практически выросла в загривок.

"Это наш, материковый, - подумал Егор. - На Огненном собаки на довольствии. Там народ сам жрать не будет, а собаку накормит. На Сладком тоже все четвероногие наперечет. С какой-то деревни убег парень..."

- Убег? - задал он вопрос спокойным голосом и подошел к калитке. Постоял там, рассматривая кривую цепочку следов

Нападения он не боялся. Пес был вымотан и истощен. Однако быть уверенным в том, что тот не укусит, было по меньшей мере глупо. Такие бродяги, как этот, будут защищаться до последнего. Вон как зыркает на него мутным желтым глазом.

- Что же мне с тобой делать? - снова сказал Егор и обернулся к дому. Подумав, вздохнул: - В общем, я тут один живу, гостей не ждал. Да и гостей надо с радостью встречать, а не с ружьем. Как я понимаю, тебя твоя жизнь тоже не особо радовала. - Он открыл дверь: - Смотри, я дважды приглашать не стану. Из угощения только вчерашняя гречка. Хочешь, приходи.

Не спеша, Егор вошел в сени и просунул под дверь толстую щепу, оставив не широкий, но достаточный проход. В избе он вытащил из печи чугунок, соскреб кашу в миску и облизал ложку. Спиной почувствовал взгляд из сеней.

Усмехнувшись, поставил миску посреди комнаты, а сам полез на печку, откуда спустил старенькое ситцевое одеяло, на котором сушил поздние грибы. Запах еще щекотал ноздри, но Егор ни разу не слышал, чтобы собаки имели что-то против грибов. Вон отец рассказывал, что была у него собака Джекки, так та и дыню лопала, и арбуз за милую душу. Сам-то он ее не помнил... Или помнил?

Он вздохнул и посмотрел на дверь. Пес замер в проеме и трясся, будто под воздействием электрошока.

- Ешь! - Егор указал на миску. - И это, - он показал на одеяло, - тоже тебе. Спать. Понял? Сюда кладу. - Он свернул подстилку пополам и медленно положил под лавку. - И давай, думай быстрее, избу выстудишь.

Отвернувшись, Егор сел за стол и взял ручку. Затем раскрыл толстую общую тетрадь и подул на замерзшие пальцы.

По полу зацокали собачьи когти. Краем глаза Егор стал следить за собакой. Пес остановился. Миска заелозила по полу.

Отложив ручку, он потер лоб и посмотрел на кожаную аптечку, которую привез с собой.

- Так, ну хлоргексидин и левомеколь у меня есть. Бинты там, баниоцин, пластыри... Но что-то ведь еще и отдельно собачье надо. Как думаешь, у тебя ведь, наверное, полная кормушка заразы, а?

Пес поднял на него слезящиеся глаза и едва заметно дернул кончиком хвоста.

Егор отвел взгляд, поежился и пожевал губами. Как ни крути, а придется опять тащиться на Сладкий.

- И какие лешие тебя принесли?.. - покачал он головой.

Несчастливая женщина

Сквозь сон Варвара услышала, как захлопнулась дверь купе. Зевнув, она потянулась, но тут же уперлась руками в основание полки над головой.

Соседка складывала вещи, и Варя, опустив ноги, наконец села.

- Подъезжаем? – спросила она и снова зевнула в ладонь.
– Темно как...

- Я не стала свет включать. Решила - куда торопиться? Минут пятнадцать в запасе еще есть, - ответила женщина и тоже села.

Тусклые блики дорожных фонарей время от времени выхватывали из темноты ее лицо, но Варе никак не удавалось рассмотреть его выражение. Хотя, если подумать, ранним утром оно у всех одинаковое – немного припухшее, слегка растерянное и зачастую хранящее следы от подушки или руки.

- В туалет очередь, - продолжила женщина и вздохнула. – А я чаю напилась, - зачем-то объяснила она и, судя по дрогнувшему голосу, улыбнулась. - Пока стояла в проходе, окончательно проснулась.

Варвара улыбнулась в ответ. Сейчас она бы ни за что не отказалась от стакана крепкого сладкого чая с лимоном. Но теперь уж поздно пить боржоми, как любит повторять Семен

Аркадьевич, подписывая выпуск перед отправкой в типографию. Напьется она и чаю, и еще всякого-разного. Попозже. Ведь обычно как бывает - только журналистские корочки покажи да скажи, что в прессе или на телевидении работаешь, как сразу же попадаешь в мини-версию "Поля чудес". У нас народ вообще любит в прямой эфир "вести с полей глазами очевидца" запускать, а под накрытый стол, как известно, делать это куда приятнее и веселее.

За отлежанное лицо Варвара не переживала - как заснула будто солдат по стойке "смирно", так и проснулась. Олег частенько посмеивался над ней - мол, лежишь как бревно, даже ресницы не шевелятся. Такое себе сравнение, конечно. И вроде знаешь, что шутит, а внутри червячок сомнения нет-нет да и дернется - а вдруг она и по жизни... в смысле, интимной жизни, - тоже бревно? Может, надо было спросить у него перед тем, как принимать решение держать оборону? На всякий случай? Вдруг так и есть?! Ей же сравнивать не с чем, а тут, считай, - мнение профессионала.

Варвара застегнула юбку и расправила ее на бедрах. От всех этих мыслей - глупых, обидных и ненужных, сначала ей стало мутно, а потом даже смешно. Пусть Олег Витальевич теперь свою жену под себя настраивает и разные "приятные" двусмысленные вещи говорит. А ей, Варваре, и так хорошо...

- Включу свет? - предложила попутчица.

- Да, конечно, - буркнула Варвара. - Думаете, за водой уже

нет смысла идти? Пить хочется.

- У меня в термосе чай остался. Теплый, правда. Остыть успел. Будете?

- Буду. Спасибо огромное!

- Вот и хорошо. А то выливать жалко. И допить бы, да сразу про туалет думать начинаю, - хихикнула женщина и протянула пузатую крышку с чаем: - Держите. Мелисса.

- Чай с мелиссой? - переспросила Варвара, вдыхая травяной аромат.

- Нет, меня Мелиссой зовут.

- Какое интересное имя! Красивое и необычное.

- Аптечное, ага. А самое смешное, что я всю жизнь медсестрой проработала. Последние десять лет - старшей операционной. На хирургическом.

- Сейчас уже нет?

- Ой, что вы, работаю. Мне до пенсии еще три года. И то не факт, что решусь. Муж, конечно, пристаёт - уходи да уходи, но... Мне нравится моя работа. Пока сами "не уйдут", останусь. Ездил вот на повышение квалификации. Ну, это, конечно, громко сказано - повышение. Однако лекции послушала, сертификат получила. Что-то даже было весьма занятно.

- А я журналист. И меня Варя зовут. Просто Варя.

- Просто никогда не бывает. За каждым именем и человеком стоит целая история, - сказала женщина, и Варвара отчасти была с ней согласна. Хотя, какая про нее может быть

история? Одни слезы...

Чай пах смородиной и лимоном и был совсем не крепким. Раздался гудок локомотива, возвещающий о скором прибытии. Варвара и женщина синхронно раздвинули занавесочки каждая со своей стороны.

- Ну вот, почти приехали, - сказала Мелисса и закрутила крышку на термосе.

- Спасибо огромное! Очень вкусно, - поблагодарила Варвара.

- И вам спасибо за приятное соседство. У вас очень хорошая аура.

- Да? - внутри Варвары что-то тоненько и приятно зазвенело.

- К тому же вы не храпите! А мой муж, словно трактор. Кажется, привыкла, не замечаешь уже, а вот так уедешь, поживешь отдельно и начинаешь ценить тишину. Но вы не подумайте чего, муж у меня замечательный. Я соскучилась. Мы с ним со школы вместе.

- Ого... - с восхищением заметила Варвара. - Повезло...

- Да, наверное. Бороться не пришлось, все как-то само. Оттого и страшно порой бывает, не сглазить бы. Жизнь такая штука непредсказуемая.

- Да, вы правы, - тихо согласилась она.

- Если вдруг что... - попутчица стащила на пол небольшую матерчатую сумку. - Хотя, чего это я... Вам-то это зачем.

Варвара нахмурила брови, не понимая, о чем она говорит.

Женщина пояснила:

- Я про клинику, в которой работаю.

- Ах, вы об этом! Ну да, как-то не хочется... - рассмеялась

Варвара. - Не люблю больницы, а уж от одного слова - хирургия, прямо в дрожь бросает! Кстати, что вы там режете?

- Что скажут, то и режем! Шучу, конечно! Не все и не у всех. Все по показаниям и только после кучи консультаций и анализов. Клиника называется "Юлия-Эстетик". Челюстно-лицевая и пластическая хирургия, - подмигнула женщина. - Делаем людей красивыми. А таких красоток, как вы, потом на рекламных буклетах печатаем, будто это наших рук дело!

- Скажете тоже, - смутилась Варвара, - красоток... У меня вон и уши лопоухие, и одна бровь выше другой... А еще... - Варвара взъерошила густые волосы.

- Не смешите меня! - отмахнулась женщина. - Уши лопоухие...

- Ну да, - пожала плечами Варя. - Меня в детстве чебурашкой дразнили. Знаете, как в школе началось, так и... Нет, то есть, в институте, конечно, никто не дразнил. Но я же знаю, что так и есть и никуда не делось. Я вот подумала... Может, у вас есть визитка с собой? Я хоть в интернете почитаю.

Варвара едва не ударила себя по губам. И что это на нее нашло в самом деле? Уши, блин... Сто лет тому чебурашке...

- Визитка есть, - кивнула Мелисса и положила перед ней картонный прямоугольник с золотистой каемкой. - Только

вы, пожалуйста, всегда помните о том, что мы, врачи, делаем людей красивыми, а вот счастливыми они становятся сами. Должны становиться.

- Это вы сейчас к чему? Потому что подумали, что я не счастливая? - спросила Варвара и почувствовала, как загорелись щеки и сдавило грудь.

Женщина вскинула брови, а затем покачала головой:

- Я ничего такого не подумала, Варенька. Это вы сами ска-
зали.

...За окном замелькали здания, вагоны и темные махины цистерн. Прыгающие кривые тени насквозь пробивали се-
ро-синий утренний воздух и отскакивали от припудренного
серебром окна.

Варвара натянула высокие перчатки и положила правую
руку поверх чемодана. В проходе толпились люди.

- Словно в театре, - сказала Мелисса, глядя на то, как
дверь ездит туда-сюда под напором пассажиров. - Актеры
еще на сцене, а зрители уже несутся в гардероб.

Поезд сбавил скорость. Варвара бросила быстрый взгляд в
окно. Сердце вдруг забилося быстро-быстро: сейчас появит-
ся здание вокзала...

- Вас встретят? - спросила она соседку.

- Да, муж. Мы на машине. Подвезти вас?

- О, нет... Кажется, меня тоже должны встречать.

- Если хотите, я постою рядом, пока за вами не придут?

- Нет-нет, что вы... Но спасибо! Недолгая остановка у ме-

ня будет в Вологде. Поеду еще дальше.

- Вон оно что... И куда же, если не секрет?

- Остров Сладкий. Это рядом с...

- Знаю. Слышала.

- Вот еду, чтобы репортаж написать.

- Криминальный? Ой, не надо, не рассказывайте! Меня эти ужасы всегда в депрессию вгоняют. Ну, что, кажется, понемногу рассасывается человеческая пробка? - сказала Мелисса и первой вышла из купе.

Варвара тоже встала и нажала на ручку чемодана, приподнимая ее повыше. На темном еще перроне виднелись человеческие фигуры, и с каждой минутой их становилось больше за счет выходявших из поезда пассажиров.

Она влилась в общий поток. Когда лицо опалило морозцем, ненадолго опешила, сжала у горла мех и наконец нырнула в зимнее вологодское утро следом за своей попутчицей.

- Милечка! - раздалось откуда-то сбоку.

Варвара заметила соседку, которую уже подхватил муж и теперь, нависнув над ней, будто коршун, "клевал" ее в щеки, а она трепыхалась перед ним и смеялась, будто юная студентка.

Варвара вздохнула: романтика...

- Варвара Павлова?

- Ой! Да... Это я, - она подняла слезящиеся от холода глаза и улыбнулась стоявшему перед ней высокому мужчине в длинном сером пальто.

- Пройдемте, - сухо сказал он и зашагал в сторону вокзала.

- Ну что ж, пойдемте... - растерянно пробормотала Варвара и покатила чемодан по застывшей ледяной корке перрона.

Ёлки...

"Нет, фанфар я, конечно, не ждала, но..." - Варвара катила чемодан и выглядывала макушку мужчины, который даже ни разу не оглянулся, пока шел в направлении вокзала.

Ходу до него было немного, поезд остановился на первом пути. Она заметила, что мужчина что-то быстро сказал охраннику у металлоискателя и встал рядом с ним. Дождавшись своей очереди, Варвара затащила чемодан на ленту и прошла внутрь кабинки детектора.

- Машина прямо у входа, - сказал незнакомец и смерил ее внимательным взглядом.

- Хорошо, - пожалала она плечами и сгребла в карман телефон и ключи от квартиры. - Чемодан у меня не тяжелый, если что.

Губы мужчины дрогнули. Он протянул руку и ухватился за ручку ее багажа, как только тот оказался в конце ленты.

- Специально меня через металлоискатель провели? Вы ведь не Патрикеев? - скорее утвердительно спросила она.

- Патрикеев? Нет, конечно.

"Из Органов?" - хотела задать следующий вопрос Варвара, но, взглянув на сердитое выражение его лица, промолчала.

- Сейчас в управлении возьмете разрешение и сразу поедете, - сказал он таким тоном, будто она все это время умоляла его отправить ее поскорее в вологодскую тьмутаракань.

- А... - "Мне бы пописать для начала..." - подумала Варвара, но вслух лишь опять произнесла: - Хорошо...

Вокзальная площадь напоминала оттиск старой фотографии с ее смазанными переходами от темно-серого к белесому и сине-коричневому. Что-то вроде сепии, благодаря которой распознаешь ретро-снимки. После смерти матери у Вари осталось несколько штук, на которых были изображены бабушка с дедушкой и какие-то дальние родственники - все те, кого Варвара не знала лично, но заочно любила. Ей нравилось держать в руках плотные, с узорчатой каймой по краям картонки и рассматривать лица, глаза, улыбки, простую одежду и словно нарисованные пейзажи.

Вокруг ничего не изменилось. Разве что замороженные деревья были опутаны гирляндами да появились новые рекламные растяжки. Но такие баннеры есть в каждом городе, и уж по ним-то точно не запомнишь места, где был.

- Я люблю Вологду... - зашевелились ее губы при взгляде на большие белые буквы и огромное красное сердце.

Такие буквы тоже есть в каждом городе или почти в каждом. Сердце екает только тогда, когда произносишь по-настоящему любимое название. И Варино сердце екнуло. Она любила свой город. Просто...

"Просто мне пришлось уехать..."

Так считать было проще и легче, чем признать тот факт, что она сбежала. Но и в этих показаниях Варвара тоже путалась. Она стремилась к тому, чтобы что-то поменять в своей

жизни, оторваться от тех проблем, которые давили и мешали дышать. Связано это было с Зоей, ее матерью - человеком сложным и зачастую истеричным.

После развода дочь стала для нее всем в прямом и переносном смысле. Ну, то есть, всем тем напоминанием о жизни, которая пошла прахом. Нет, Зоя не говорила ей, что могла бы устроить свою судьбу, не будь у нее дочери. И не тыкала ей в лицо внешним сходством с отцом. Просто... ой, да все это было не просто, конечно. Варя была бы рада, если бы у матери кто-нибудь появился. Потому что тяжело все время находиться словно под куполом, в котором они обе были заключены. Купол неудавшихся отношений и попранной любви - душный, как теплый сырой подвал с забитыми окнами.

Она старалась ничем не расстраивать мать, хорошо училась, поступила на журфак. Писала статьи и рефераты на заказ, доклады и сочинения. Ей в принципе все нравилось, вот только ни о каких студенческих посиделках и речи не шло. За любой шаг приходилось отчитываться.

А потом Зоя заболела.

Нужны были деньги на лечение, а Варвара только получила диплом и толком еще нигде не работала. Тут подвернулось объявление о работе в московской редакции, а она вдруг сдалась, задумалась, засомневалась. Оставить мать она попросту не могла. Зоя уже лежала в больнице, лекарства все время менялись - пробовали то одно, то другое, но... Прогнозы оказались неутешительными. И именно в этот момент мать

вдруг вместо того, чтобы цепляться за нее, довольно жестко заявила, чтобы Варвара уезжала. Или хотя бы прошла это собеседование. Странно все это было - всю жизнь по команде "к ноге" и вдруг - уезжай. Однако, команда "фас" прозвучала, и Варвара поехала и получила место в столичной газете. Правда не успела толком понять, как быть дальше - то ли перевезти мать в Москву, то ли опять вернуться. Съем квартиры - то еще удовольствие, после этих трат, в сущности, остается та же зарплата, которую она могла иметь и в Вологде.

На удивление, Зоя в кои-то веки оказалась довольна тем, что все сложилось именно так. Более того, она настоятельно просила ее избавиться от квартиры и купить себе жилплощадь в столице, когда ее не станет.

Варвара тогда только покачала головой. Ей было невыносимо от того, что мать - едва стоявшая на ногах, бледная до прозрачности, с таким упорством продолжает руководить ее действиями. Именно от этого ей хотелось убежать, но именно этого ей потом и не хватало. Сложным человек становится тогда, когда не отвечает нашим запросам. Но мать всегда остается матерью - ближе ее никого нет и не будет, и неважно уже, какой у нее характер...

Отец приехал на похороны со своей новой женой, и Варвара никак не могла свыкнуться с мыслью, что именно он когда-то забирал ее из роддома. Ну и потом, когда выяснилось, что он тоже имеет виды на квартиру, о более близких отношениях пришлось забыть. Она не стала спорить - в конце

концов, квартиру ее родители покупали, еще будучи в браке. Варвара отдала часть суммы, забрала кое-какие вещи и уехала обратно в Москву, в съемную однушку-студию рядом с метро Первомайская.

...Мужчина положил ее чемодан в багажник темной "Нивы Шевроле" и сел на водительское сидение. Варвара села сзади. Их взгляды пересеклись в зеркале, и Варвара потеряла успевший замерзнуть нос.

- Холодрыга какая!

- Да, не Сочи, - хмыкнул водитель и включил кондиционер на обогрев. - А там, куда вы поедете, будет еще холоднее.

- Ох, ёлки... - прошептала она и плотнее сжала колени.

...У входа в Управление МВД они оказались за пятнадцать минут. Варвара даже не успела толком насладиться теплом автомобильной печки. Совсем отвыкла от того, что городские улицы могут быть свободными. Москва, кажется, никогда не спит, и на дорогах машины круглосуточно.

Ее еще раз досмотрели, а затем проводили в кабинет. Еще один мужчина с невзрачной скучной внешностью задал ей вопросы касательно работы и семьи, места проживания и регистрации. Варвара отвечала спокойно и старательно. Понимала, куда едет. Режимное предприятие. Общаться в основном придется с работниками ФСИН* и членами их семей. А то, что ей по заданию надо мистику и реал в косу заплести, так лучше об этом вслух вообще не говорить. Вон они тут какие все серьезные. На смех не поднимут, ни слова не ска-

жут, просто разрешения не дадут. Серьезная организация.

Варвара тяжело вздохнула.

- ...и просьба, - донеслось до нее сквозь собственные мысли, - готовую статью сначала утвердить.

- А... ну да, конечно, - кивнула она. - Мы всегда так делаем. - Это, конечно, было не совсем так, но тут уж пусть Семен Аркадьевич сам разбирается.

- Вот уведомление, отдадите его, когда приедете, в канцелярию. А они уж на свое усмотрение предоставят вам... что вы там хотите? Про людоедов? Или убийц-насильников?

Варвара поежилась:

- Я лично не хочу, но у меня задание, и вообще...

- Ну если вообще, то тогда всего доброго! Езжайте с богом. Машина подъедет через полчаса. Отдадите водителю сопроводилку.

К ней в руки переключалось несколько листков с печатями.

- Всего доброго! - сказала она, а уже у двери спросила: - Простите, пожалуйста, а где у вас туалет?

- Направо по коридору.

- Ох, еще раз огромное спасибо! Очень, очень была рада познакомиться!..

Выскользнув в коридор, Варвара рысью направилась в нужном направлении.

"Господи, не расплескать бы! Ну, Семен Аркадьевич! Ну, Патрикеев... Учились, работали, женились! Вот ведь, ёлки зеленые!"

Через десять минут, заметно повеселев, Варвара вымыла руки и привела себя в порядок. Чемодан ждал ее внизу, но в сумке нашлась расческа и зубная щетка. Стрелка часов подходила к восьми. Варвара отписалась редактору и Римме о своем прибытии и скором отбытии на Сладкий. В довершение набрала номер Патрикеева, чтобы в приличной манере высказать ему свое "фи" по поводу встречи. Тот сразу же ответил:

- Варенька, уж простите старика! Представляете, упал около подъезда, зашиб руку и ногу. Ну и, следовательно, теперь лежу, руковожу процессом онлайн. Вас встретили? Вот и славно. Если что, пишите-звоните. Я на связи.

Ну как было злиться на больного человека? Разумеется, она рассыпалась в благодарностях и передала кучу приветов от старинного друга.

Оставалось только перекусить чем-нибудь да ехать. В машине отлежится, доспит, отдохнет. Ничего, дело молодое! Варвара спустилась, вышла на улицу и огляделась. Магазины были еще закрыты. По тротуару мела поземка. В желудке тоскливо ныло.

Зазвонил телефон. Незнакомый номер бодро сказал:

- Гражданка Павлова? Машина уже подъехала. Номер...

Варвара поискала глазами автомобиль, а когда поняла, что им является крытый грузовичок, опустила руки. Вот тебе и выпалась.

- Ёлки зеленые...

Из Управления выскочил мужичок в спортивных штанах с вытянутыми коленями и заюзанном пуховике. Он посмотрел на нее и широко улыбнулся:

- Ай, какая девочка ладная! Ну поехали, чего стоишь?

Варвара скривилась, но потопала за ним.

- Не выпалась? Ничего, у меня там лежаночка есть, - подмигнул ей вертлявый мужичок и потер ладони перед тем, как залезть в кабину. - Прыгай сюды, ногастая!

- Пф-ф... - выпустила пар Варвара и подтянула к себе чемодан.

- Да сядай, сядай! Сейчас я твою поклажу закину!

- Аккуратнее, пожалуйста! - испуганно пискнула она.

- Не бойсь, кудрявая!

Варвара залезла в кабину и с сожалением посмотрела на замятый мех шубки: "И куда я так вырядилась?!"

- Тэкс-с, - засвистел сквозь щербину между зубов мужичок и быстро просмотрел ее бумаги. - Все понятно. Помчали, Варвара?

- А долго ехать?

- Не, двести кэмэ всего.

- О боже... - Варвара облизала губы и прислушалась к ворчанию в своем животе.

- Кофейку? Чайку? Из города выедем, на заправке перекусим!

Она выдохнула и пристегнулась. На сытый желудок любая дорога в радость!

- А вы на Сладком живете?

- Живу, агасть!

- И как там?

- А хорошо!

- М-да... А вот скажите, - Варвара подобралась и запахла лапы шубки, - есть у вас там какие-нибудь мистические вещи? Легенды или верования?

- Есть! У нас все есть! - важно заявил водитель и тут же хихикнул: - Нормальной жизни нет, а так все есть!

Варвара скосила на него глаза, прикидывая, что он имел в виду.

- Меня, кстати, Славой зовут! - представился мужичок.

- Очень приятно.

- Слухай сюда, Варвара! Я тебе сейчас такую историю расскажу, закачаешься!

Их действительно хорошенько потрянуло на повороте.

- Сказ мой тебе будет про монаха-отшельника.

- Это когда было? - решила уточнить Варвара.

- Что значит, было? - подскочил Слава. - Есть!

- В смысле, он тоже живет на острове?

- Не-не, его призрак бродит по округе уже несколько веков!

- И что же он делает? - скептически усмехнулась она.

- О... дел у него много! Следить, значит, чтобы всякий преступный элемент не разбежался. А еще, - мужичок зыркнул на нее "страшными" глазами, - забирает заблудивших-

ся путников в свою тайную обитель. И ходу оттуда обратно нет...

- Так путники-то живые, - резонно заметила Варвара, а затем ахнула: - Или нет?

- Хороший вопрос! Кто замерзает, кто тонет, кто в лесу гибнет - всем им дорога в заброшенный монастырь на болотах.

- И что же, видел его кто?

- А то ж! Иначе бы и не говорили! Идет он, значит, с огненным факелом, чтобы заблудшие души его видели, и, это самое... уводит, короче...

- Ох, ё...

- Твоя правда, Варвара! Именно так и есть!

ФСИН* - Федеральная служба исполнения наказаний.

Доктор не приедет

Егор уже полчаса ходил вокруг своего хвостатого постояльца, почесывая затылок и примеряясь к тому, как освободить пса от веревки. Нет, так-то он, конечно, знал, как это сделать - вон и большой охотничий нож уже приготовил, и кипяченую, теплую еще воду из печи достал. Этого пса бы, по идее, следовало сначала в бане отмыть хорошенько, но уж больно тот был слаб. К тому же, наверняка простужен. Про кишечных паразитов и блох даже думать не хотелось, но у бродячих животных подобный зоопарк в анамнезе вперед всего остального стоит. Следовало избавляться от всего постепенно, ведь в медицине, как известно, главный постулат - не навреди.

- Повезло тебе, ушастый, - усмехнулся он и присел на корточки, - что баня не топлена. А то бы я тебя веником отходил хорошенько.

Пес нахмурил густые, с тонкими белыми волосками брови и положил морду на передние лапы.

Егор протянул руку ладонью вверх и дал себя обнюхать.

- Я - Егор, а ты? - мужчина дотронулся кончиками пальцев до собачьей переносицы. - Может, Бим? Или Бом? Или Шарик? Ладно... Если не против, я буду звать тебя Джек. Дай, Джек, на счастье лапу мне...

Он мягко огладил горячую голову собаки, потрепал за

ушами и замер, нащупав веревочный нарост на шее.

- Смотри, эта дрянь доставляет тебе массу хлопот и боли. Есть предложение: я ее снимаю, и мы с тобой торжественно сжигаем ее в печке. Как тебе такое?

Пес следил за каждым его движением. Егор встал и подошел к столу. Взял нож. Ответом на его действия стало глухое рычание.

- Понял, - он положил нож обратно и задумался. Порывшись в аптечке, нашел маникюрные ножницы. Спрятав их в ладони, Столетов вернулся к собаке и присел на корточки.

Пес опять положил голову на лапы и протяжно вздохнул.

- Нож ты знаешь... - вслух рассуждал Егор. - И, наверное, не в смысле, что им колбасу нарезают. Что-то мне подсказывает, что и при пальпации я у тебя много чего поганого на шкуре найду. - Он уже успел заметить выболевшие и затянувшиеся раны на ногах и тощем бедре. - Били тебя, парень? - Егор стал гладить по жесткой шерсти одной рукой, а второй аккуратно вздевывать пальцы в дужки ножниц. - И меня в детстве дворовые били. Отец говорил: не обращай внимания, а я не мог. Понимаешь, характер у меня дурной. Другому бы раза хватило, а я нет - как же без сдачи? Один раз спустишь, потом вообще на шею сядут. Каждый будет пинать и шпынять. Эх, видел бы ты меня тогда! Синяки вообще не проходили! Нос как груша, бровь рассечена... А отец у меня врачом был, известным, очень хорошим... А я его позорил...

Тонкие лезвия ножниц кромсали задеревеневшую бечев-

ку, а Егор продолжал гладить пса и тихо говорить.

- А мама у меня, знаешь, какая была? Добрая. Готовила хорошо. Я же хилый был, тощий. Вот как ты. Она рассказывала, что когда я у них появился, то наестся не мог. Ел, ел... а потом блевал... Отец специальную диету мне назначил, чтобы я потихоньку привыкал к режиму и распорядку, а у меня внутри будто волчара ненасытный жил, даром, что я трехлетней был. Я же вижу, что в холодильнике еда, на столе пряники и конфеты, а в шкафу банки с вареньем... Не поверишь, сухие макароны жрал. Не потому, что голодал в принципе, а потому что не знал, что это такое. Пищевой интерес - вот как это называется. Ну и нервный был, конечно. А как ты думал? Я же к родителям из детского дома попал, а у нас там было...

Егор коротко выдохнул, когда в нос ударил мерзкий запах воспаленной кожи и гноя.

- Было там, в общем, не так как дома... Свой режим и распорядок...

Пес взвизгнул, когда бечевка натянулась в руках.

- Тихо, дружок, тихо... По-хорошему бы промочить сначала надо, тогда она легче отойдет. Ты как, потерпишь?

Егор посмотрел на окна. Если уж идти на Сладкий, то прямо сейчас. Пока туда, пока там, и уж темнеть начнет. День короткий - хочешь все успеть, собирайся.

- В общем, Джек, я сгоняю на остров, а ты тут лежи. - Он взял бутылку хлоргексидина и, немного погрев ее в широких

ладонях, стал потихоньку поливать вдоль воспаленной раны.

Пес задергался, вскочил, а затем отошел на несколько шагов. Конец бечевки свисал теперь до полу, все еще опутывая шею по горлу.

- Я все понимаю, - Егор закрутил колпачок и показал бутылку псу. - Но без этого никак. Ведь доктор не придет. В смысле, собачий доктор. А я человеческий. Ну и не совсем доктор... - он покачал головой и с горечью усмехнулся. - Одно название... Морды переделываю, понимаешь? Носы, рты. Кожу лица на затылок натягиваю. Омолаживаю, блин!

Пес снова зарычал и сместил корпус назад.

- Извини, брат, - понизил голос Егор. - Завелся я опять. Характер... Мне бы накостылять кое-кому, глядишь, и отлегло бы. Да отец бы меня не понял. Я ж ради него, ради матери изнутри себя столько времени ломал. Чтобы, значит, человеком стать. Хорошим человеком. А потом вот за большой деньгой отправился. Послушался друга. Ну так и получил, за чем шел. Думал, счастливее стану. Нет, брат, не в деньгах счастье... И не в бабах. - Столетов развел руками. - В чем? Не спрашивай. Честно, не знаю. Но вот если ты поправишься, то, наверное, я буду немножечко счастлив. Как думаешь?

Пес махнул хвостом и зацокал к подстилке. Остановился на полпути, заметив свисающую бечевку. Уцепился за нее пастью, попробовал содрать, но задрожал, заскулил и посмотрел на Егора таким взглядом, что у того сжались челюсти.

- Потерпи, Джек. Попробую раздобыть лекарства. Глистогонное надо? Надо... Антибиотики, витамины. Надеюсь, что-нибудь найду. А вернусь, мы с тобой каши наварим с мясом. Мы же мужики, нам мясо нужно.

Егор постоял посреди комнаты, а затем, намотав на шею шарф, вышел в сени. Снег на стоявших в углу лыжах еще не успел оттаять. Егор сколупнул с креплений намерзший лед и, прихватив палки, направился во двор.

Что, и черти будут?

- А еще у нас баба Люба есть! - оттопырив мизинец и прищурив правый глаз, Слава подул на горячий чай.

Варвара с аппетитом уплетала слоеную "заправскую" булочку с сосиской и отхлебывала кофе из простой белой чашки. На заправке было тепло, светло и вкусно пахло. Слава отогнал грузовичок от заправочных колонок и теперь поглядывал в его сторону через большое окно, у которого они стояли.

- Баба Люба, - напомнила она и, скомкав салфетку, вытерла губы.

- Ага. Так вот она, значит, наш местный оракул. Погоду предсказывает, все даты церковные помнит, ну и по мелочи... - мужчина шмыгнул носом.

- Что по мелочи-то? - рассмеялась Варвара.

- Заговоры, - понизил голос Слава. - Гадания еще. На картах. Говорят, бабка ее цыганкой была. Но что-то, мне кажется, вранье это все. Любка наша, деревенская. К тому же, рыжая.

- А что, цыган рыжих не бывает?

- Может, и бывают, - задумался водитель. - Сама-то она хитрит, всей правды не говорит. Знаю, что из Якимихи. За муж как вышла, на Сладкий переехала. Чтобы, значит, за мужиком своим жандобиться.

Варя покрутила головой:

- Жандо... что?

- Ходить! Э... ухаживать, во! Только он возьми, и через год помри, вот так-то...

- Понятно, - Варвара выбросила салфетку и посмотрела в сторону витрины. - Я, пожалуй, на дорожку еще одну слойку возьму. Вкусно.

- Ага, давай бери да поехали!

Они вышли с заправки. Снежок припустил и теперь падал крупными, похожими на куски ваты шарами.

- С тех пор Любка в гадания и ударилась, - подтянул штаны Слава.

- И как, сбывается?

- С погодой, да. Прямо жо.. этим местом она ее чувствует. А касательно личной жизни не знаю, не обращался. У меня, слава богу, все в порядке - жена, дети выросли. Разъехались... - он вздохнул. - Ну а что им у нас делать? Тоска, едрена вошь!

- А вы мне еще про монастырь расскажите, пожалуйста!

- Это тот, где тюрьма, что ли?

Варвара уселась поудобнее и захлопнула дверь грузовичка.

- И про тот, где тюрьма, и про другой тоже.

- Так это... Ты фильм "Калина красная" смотрела?

- М-м... - Варвара кивнула. - Что-то припоминаю. Старый, да? Там еще Василий Шукшин снимался. Мама моя его лю-

била. Говорила: вот мужики были!

- Во-во, - Слава поднял вверх темный узловатый указательный палец. - Он как раз по тому мосту из тюрьги и шел. Токмо с Огненного вот эдак запросто не отчалишь. Там на пожизненном сидят. Как революция случилась, заместо монастыря тюрьму сделали. Это, значит, на Огненном. А на Сладком с той поры служивые жить стали. А раньше монахи в том монастыре такой сбитень готовили, что на всю округу славился. Потому остров Сладким и назвали. Теперича, конечно, от того сбитня, сама понимаешь, ничего не осталось. Но природа, мать! Какая у нас природа! Новое озеро, Новозеро по-нашенскому, тебе понравится. Ты бы летом приехала - на рыбалку бы сходила. А зимой оно мертвое совсем, стылое.

- А тот монах, про которого вы говорили... С факелом?

- А... это на материке дело было. На Огненном-то, почитай, в 16 веке монастырь отстроили, а тот еще раньше хотели. Но что-то, видать, не срослось. Болота, опять же... В общем, место гиблое, неудачное оказалось. И вот один монах воспротивился тому, что строить перестали. Уперся! Сказал, что не покинет того места. И... - Слава вывернул руль и поддал газу.

- И? - Варвара уперлась ладонями перед собой, чтобы не завалиться на водителя.

- И не покинул. Так там и остался. На-всег-да!

- А вы сами там были? В том монастыре, который забро-

шенный?

- Вот еще! - Слава кашлянул. - Чего я там не видел?

Варвара бросила на него хитрый взгляд:

- Да вы боитесь?

- Я?! Окстись, не боюсь, а остерегаюсь! Не все так просто, малая! Ты думаешь, раз монах остался, так место святым стало? Ни-ни! Монах ведь человек тоже подневольный. Ему приказ был, а он ослушался. Почитай, против начальства пошел. А значит, не тем силам поддался.

- Ох, и жутко! - встрепелась она. - Как раз то, что мне нужно!

- Чую, бедовая ты, Варвара!

- Скажете тоже... - она вдруг скисла, задумалась.

За окнами мелькали деревни, заснеженные поля. Настоящая зимняя сказка, которая тепло отзывалась в ее сердце.

- Мужняя ты али как? - поинтересовался Слава.

- Али как... - поджала губы Варвара.

- Что, не нашлось в столице тебе мужика хорошего?

- А, - отмахнулась она. - Я и не искала... - Варя почувствовала, что лицо заливают краской.

Слава дипломатично помолчал, а потом сказал:

- К бабке Любе сходи. Ты надолго к нам?

- Не знаю еще. Решу на месте. Все зависит от того, как материал соберу.

Внутри стянуло от неприятных мыслей: работа ей нравилась, а вот видиться с Олегом теперь будет очень неприятно.

Оно, конечно, со временем забудется, истрется в труху, да только Разумов с его шуточками и ласками от нее так просто не отстанет, это она точно знала. Есть такая порода людей, которые, словно репей, пристанут и тянут, тянут за кудрявый локон, пока не повыдергаешь его вместе с волосами.

- Черт меня попутал... - прошептала она, закрывая глаза.

- Говорю же, к бабке Любе сходи! Она тебе все как есть скажет!

- Угу... Обязательно...

- Не бойсь, кудрявая, все путем. Матерьялу мы тебе накидаем, на книжку хватит!

- Мне на книжку не надо, только на статью. Про монаха вы это хорошо придумали... И про бабку-гадалку...

- А то ж! Там этой чертовщины полна коробочка!

- Что, и черти будут? - Варвара прижалась виском к стеклу. В кабине было тепло и пахло дешевым одеколоном вперемишку с машинным маслом.

- Чертей на Огненном как грязи, - хмуро согласился Слава. - Я б их всех... - он сжал кулак, - одним бы разом! Может, если бы тварей таких не было, так и мы бы жили лучше. А оно, вишь, прямо в воздухе витает - гадость ихняя, преступная!

- Да, вы правы, Слава... И откуда только берутся такие гады...

- Так тоже матери рожают, а вот что потом происходит, одному богу известно. Ты поспи, поспи, касатка. Едем ровно.

Я по этой дороге двадцать лет езжу.

Варвара коротко вздохнула и спрятала нос в меховом воротнике.

...Очнулась она вдруг, в тот самый момент, когда увидела во сне маму. Сердце всколыхнулось, заколотилось.

"На обратном пути обязательно надо задержаться хоть на пару дней. На кладбище, в церковь сходить... Тетю Валю навестить, денег ей оставить."

Тетя Валя, подруга матери, жила в квартале от их бывшего дома. Собственно, только благодаря ей, Варваре и удалось пережить все, что происходило тогда. Валя была человеком серьезным, собранным, семейным. Она хорошо знала Зою, а потому помогала и словом, и делом. И памятник заказала, и поставила в нужное время. И Варю не тормозила с приездом, мол, обустраивайся, а там уж и навестишь.

"Как же быстро время летит..."

Варвара зевнула и огляделась.

- Где это мы?

- Так подъезжаем.

- Ого... это сколько же я спала?

- Какая разница? Жизнь и сновидения - страницы одной и той же книги, во!

Варвара удивленно воззрилась на водителя.

- Шопенгауэр, - поднял тот палец.

Все вокруг было белым и спокойным. Впереди Варвара увидела запорошенные снегом домики и темные, едва раз-

личимые, поднимающиеся вверх струйки дыма.

- Сладкий? - тихо спросила она.

- Он, родимый... Мы сейчас его проедем, а дальше по мосту триста метров. Сразу уж отметишься, чтобы, значит, по уму. А там уж скажут, куда тебя определить.

- В гостиницу, наверное?

- Чё? - Слава вскинул брови и присвистнул. - Гостиницу...

Варвара вздохнула: "Надо было подготовиться..."

- На Сладком поселят, не подумай чего. Чужие здесь не ходят, так что не дрейфь.

При ближайшем рассмотрении белая сказка несколько померкла. Поселение выглядело довольно запущенно с точки зрения столичного и вообще, городского жителя. Но, с другой стороны, и репортаж получится правильным, а не прилизанным, как это часто бывает. Следовало только узнать, что и где можно снимать, а что нет.

- Народу здесь живет немного, если с твоей Москвой сравнивать, - хмыкнул Слава.

- Я понимаю.

- Сейчас скажут, куда тебя поселить, отведу.

Грузовик проехал деревню насквозь и выехал на деревянный мост.

- А это кто? – Варвара прищурилась, пытаясь разглядеть идущего по мосту человека. Он был высок, крепок и широк в плечах. И походка у него была такая – уверенная. Олег, хоть и знал себе цену, но предпочитал не ходить, а ездить на ма-

шине. Поэтому у него уже наметился живот. Он ее, конечно, не особо смущал все это время, но...

- Кажись, Егор Столетов, - ответил водитель. – И чего это он тут? Ты это, держись от него подальше.

- Почему? – заинтересованно спросила Варвара, а затем охнула: - Он что, сидел?

- У нас кто на Огненный попадает, уже не выходит, - хмыкнул водитель. - А Егор, он... Дюже суровый парень. Коли пошлет, быстро полетишь.

- Летать я привыкла... - грустно усмехнулась Варвара и, как только грузовик поравнялся с мужчиной, вытянула шею, чтобы повнимательнее его рассмотреть.

О зверях и не только...

Грузовик встал на небольшой свободный пятачок суши перед грязно-белой обшарпанной стеной ведомственного здания, внизу которого располагались зеленые ворота. По обе стороны здания начинался высокий забор с колючей проволокой, который, как она поняла, опоясывал весь небольшой остров Огненный. Поверить в то, что когда-то именно здесь находился мужской монастырь, было трудно. Да и атмосфера заметно сгущалась уже на подступах к острову, и Варвара сразу же почувствовала это.

- Ты посиди туточки, хорошо? - сказал Слава. - И бумаги давай. Я сейчас попрошаю, чегой с тобой делать.

- Вы знаете, Слава, - испуганно прошептала Варвара, - со мной ничего не надо делать, правда! Я бы просто с людьми пообщалась на тему... ну... про что вы рассказывали. А вот это вот все, - она бросила быстрый взгляд в сторону проволоки, - мне не хочется.

- Ну так ить, дело твое, - пожал плечами мужчина. - Но отметиться надо. Я ж говорю - все здесь наперечет.

- Вот и ладно... Учтите меня поскорее, и поедem отсюда.

Варвара проследила за тем, как Слава вошел в дверь рядом с воротами, и раскрыла сумку. Отодвинув автомобильное зеркало, стала зачем-то красить губы. Нервное состояние, начавшееся еще накануне, сейчас только нарастало.

Столбик помады обломился и упал на колени, прилипнув к меху.

- Вот ведь зараза... - пробормотала она и открыла дверь.

Спрыгнув с подножки, отряхнулась, собрала немного снега из ближайшего сугроба и стала оттирать розовое пятно. За спиной слышались скрипучие шаги. Варвара прикусила губу и медленно распрямилась. Похоже, это был тот парень, Столетов, кажется... Грубый и неотесанный мужлан, со слов Славы.

Значит, держаться от него подальше, чтобы не нарваться на грубость? А кто, собственно, дал ему право грубить незнакомому человеку? Тем более, женщине?

Варвара развернулась и вскинула подбородок. Морозец щипал щеки, но при взгляде на молодого мужчину, у нее вообще перехватило дыхание. Хорош... Идет прямо на нее, а глаза! Господи, да от него реальная волна презрения исходит! Ну и ну... Вот тебе, Варенька, и юбочки с колготочками, локоны и покрашенные губки...

- Здравствуйте! - сделала она попытку немного убавить ощущение собственной злости и обиды. Ну мало ли, может, ей показалось, что у него такое выражение лица. Сам-то он вон какой ладный - высокий, плечистый... - Скажите, пожалуйста, а вы здесь живете или работаете?

Мужчина сжал челюсти и глубоко вдохнул холодный воздух. Небольшая светлая борода покрылась инеем, отчего он стал похож на сказочного героя типа молодого Морозко.

- Добрый день, - процедил он и направился к двери, в которую недавно вошел Слава.

- Так вы тут работаете? - не отставала Варвара. "Господи, что я делаю? - задала она сама себе вопрос и тут же на него ответила: - Знакомлюсь с местными. Это по работе..." Но сердце ее вдруг заметалось трусливым зайцем от непонятного волнения.

Столетов остановился, снял толстые кожаные рукавицы на меху и засунул их в карман. Варвара сделала шаг вперед.

- Вас, кажется, Егор зовут? А давно вы на Сладком? Я еще хотела спро...

Столетов обернулся и демонстративно оглядел ее с ног до головы:

- Я здесь не живу и не работаю. Все? Вопросов больше нет?

- А... - Варвара потопталась на месте. Собственно, какой-то особой грубости она не заметила, но и приятного разговора не получилось. А это значит, она его не заинтересовала. Ни как женщина, ни как... вообще никак. Хотя, то, как он на нее посмотрел и в этот раз, говорило вполне за себя: шла бы ты...

- Не больно и хотелось, - пробормотала она и спрятала ладони в рукавах шубки.

Дверь раскрылась, выпустив Славу и другого мужчину в форменном поношенном кителе.

Столетов посторонился.

- Варвара... как вас там! Очень рад! - службист протянул ей руку. - Ермоленко!

- Варвара Александровна, - подсказала Варя и сделала что-то вроде книксена.

- Очень рады вашему приезду! Пресса, ну надо же...

Столетов перегородил ему путь.

- Здравствуйте. Мне лекарство нужно для собаки. Это куда?

Службист запнулся и уставился на Егора.

- Чего? Лекарство? Вы... как вас там... Я не понял. Для какой собаки?

- Для обычной. Вес - килограмм, наверное... - Егор задумался, - семь-восемь. Худой пес, не взвешивал.

Службист помотал головой:

- Слава, почему посторонние на объекте?

- Так ить... Это Столетов. Он из Прохоровки. На том берегу.

- Так Прохоровки-то уже нет...

- Прохоровки нет, а он там живет. Вроде...

- Вроде? Документы проверяли?

- Так да. Ты же сам и проверял, Тимофеич! Месяц, что ли, два ли назад... Дом там у него.

Ермоленко скривился:

- Помню я, помню. Кое-кому очень не понравились мои вопросы.

Егор достал рукавицы и в раздражении похлопал ими о

ладонь.

- Так что, где мне лекарства раздобыть?

- А я почему знаю? У меня каждый шприц на учете. Ты сам-то понимаешь, что здесь находится?

- Понимаю, - процедил Егор.

- А раз понимаешь, то и говорить не о чем! На Сладком народ поспрошай, а мне недосуг. У меня, видишь, столичная пресса прибыла!

Варвара перевела взгляд с одного на другого, а затем пролепетала:

- Действительно, странно... пёс?

- Вот-вот, у него пёс, а у меня люди!

- Это не люди, а звери, - прошипел Столетов.

- Поговори мне еще... Умный какой... - службист снял фуражку и почесал затылок. - Собаке лекарство! Охренеть! У нас тут двести особо опасных преступников, а ты про пса!

- А собаки ведь у вас тоже есть? - влезла Варя. - Их тоже надо кормить и ухаживать!

- Варвара Александровна, и кормим, и ухаживаем! Только ведь правда, все подотчетное! Мы закон по всем статьям соблюдаем! Вот человеку помочь, пожалуйста, - врач в медицинской части. А собака это ведь... Ну зверь, ну что ему будет?

- Ладно, понятно, - Столетов развернулся. - Сам разберись.

- И разберитесь, гражданин Столетов! Вы сами-то поче-

му тут находитесь? От чего скрываетесь? За просто так из любви к природе? Ну-ну... У вас ведь жена есть, насколько я знаю!

- А вы в мою жизнь не лезьте! Я вам такого права не давал! Не можете помочь, так и скажите!

- Так и говорю! Ты хозяин собаки - тебе и заниматься. А у меня и без этого хлопот полный рот! Вот девушка приехала! Мне ее пристроить надобно!

Варвара вздрогнула, когда Столетов мазнул по ней сердитым взглядом, но тут же вздернула нос: "Хам!"

- Может, вам в город съездить? - язвительно предложила она. - Какой тут ближайший? Можно ведь и с собакой. Ветеринару показать, например!

Столетов закатил глаза и зашагал к мосту.

- Я что, глупость сказала? - всплеснула руками Варвара. - Тоже считаю, что надо за своими животными самому следить. Мы в ответе за тех, кого приручили!

Мужчины переглянулись.

- Вы, Варвара Александровна, нашей жизни не знаете. Пообщайтесь, походите, сразу все поймете, - сказал Ермоленко. - Ну ей-богу, не из вредности и не со зла. Надо ж понимать, что у нас тут не магазин. Станный он, этот Столетов. Была б моя воля, запрос бы на него отправил. Что он там шарахается один в деревне, не пойму...

- Так, может, отправить запрос-то? - предложила она. - Хотите, с моего телефона позвоним?

- Нет тут связи, Варвара! - шмыгнул красным носом Слава. - Никак антенну не допросимся. И отопления нет, печки топим. В колонии лучше живут, чем мы! Уж извини, Тимофеич!

Варвара обомлела.

- А ты думала! Вот и напиши в своем репортаже всю правду-матку! - буркнул Слава.

- Ладно, ладно, заголосил! - ткнул его в бок Ермоленко. - Не нравится, уезжай! Кто тебя держит.

- Куды я поеду? Здесь уж сколько лет! А вот про зверей Столетов прав! Это вы тут к ним уже привыкли, а нормальным людям от их присутствия дурно становится. Ну что, Варвара, почалили на Сладкий? Или экскурсию хочешь по острогу?

Варвара подняла голову и посмотрела на высокую трубу, из которой вверх уходил черный дым.

- Нет, пойдемте на остров, Слава. Мне отдохнуть надо с дороги.

- Так вы когда теперь зайдете? Завтра, что ли? - окликнул ее службист. - У нас тут такие истории жуткие есть! Я вам все-все...

- Я подумаю! - шарахнулась от него Варвара и полезла в грузовик. - Спасибо!

Гадалки не врут?

- Эй, Егор! - Слава на ходу выглянул в приоткрытую дверь.
- Садись! Скажу чего! Насчет собаки!

Кабину моментально заволокло морозным туманом. Варя не видела Столетова за спиной водителя, но уже представила, как тот зыркнул на него своими невозможными глазами и пробубнил какое-нибудь ругательство...

Но грузовичок притормозил.

"Неужели сядет?" - изумилась она, пытаясь понять, а куда, собственно, такой здоровый бугай влезет.

- Туточки буквально пять минут! Уж потерпим, да ведь, кудрявая? Двигай ко мне поближе! - Слава сгреб лежавшие между ними какие-то тряпки и провода, и Варя, приподняв меховые полы шубки, нехотя пододвинулась левее.

Дверь открылась, и Варвару тут же снова окутало ледяным воздухом. Столетов замер, разглядывая ее коленки, и Варя судорожно натянула на них шубку.

- Ты только не быкуй, товарищ Столетов! - предупредил его Слава. - Я вас сейчас к бабке Любе отвезу. Она тебе и от псовой хвори, и от дурного норова травок даст! - он хихикнул в кулак, но тут же сделал серьезное лицо. - А то вдруг твой пес бешеный?

- Сами вы бешеные, - качнул головой Столетов и одним рывком влез в кабину. Он навис над Варей, и лицо его оказа-

лось так близко, что она успела разглядеть, что зрачки у него серо-синие, как предгрозовое летнее небо. - Не раздавлю?

Варвара вспыхнула и уселась чуть боком. Столетов положил руку на спинку кресла, и она будто оказалась в его плечу, прижимаясь бедром к мужскому бедру. Дыхание ее стало коротким, отрывистым и частым. Варвара сжала кулачки и выпрямила спину.

- Скоро мы уже приедем? - нервно спросила она. - Сил уже никаких нет!

Грузовик тряхнуло, и Варвара ткнулась плечом в твердую грудь Столетова.

- Действительно... скорее бы уже... - на выдохе глухо произнес Егор.

У нее все поплыло перед глазами, когда на нее пахнуло мужским запахом. Не одеколоном и не гелем, а именно настоящим запахом мужчины с примесью грубой шерсти, еловых веток, смолы и еще чего-то такого, о чем она не даже не догадывалась, но что будоражило нервные окончания похлеще комплиментов, подарков или интимных прикосновений.

- Жарко... - прошептала Варвара и расправила ворот.

- Да ты что! - удивился Слава. - Я и печку-то выключил уже.

Мост закончился. Грузовичок снова въехал на Сладкий. Опустив глаза, Варвара искоса разглядывала Столетова, но, кроме куртки и теплых лыжных штанов, ничего другого увидеть не могла. Ей же, конечно, хотелось еще хорошенько рас-

смотреть его лицо, потому что было в нем что-то очень притягательное. Возможно, прямой нос, или тонкие морщинки в уголках глаз, которые появляются от улыбок и смеха. Однако представить Столетова смеющимся у нее никак не получилось. А уж хохочущим, тем более.

Грузовичок встал с краю дороги, словно для того, чтобы не мешать другим машинам. Но дорогу уже изрядно замело, что говорило о том, что транспорт здесь появляется редко.

- Ну, чё расселись? Вылазьте! - скомандовал Слава и выскочил из кабины.

Столетов ухватился за ручку двери, и Варвара заметила обручальное кольцо на его пальце. Оно не выглядело новым - царапинки отчетливо виднелись на тусклом ободке. Вот и службист упомянул о том, что Столетов женат, а это значит...

"Это ровным счетом ничего не значит, - подумала она и поджала губы. - Ничего эдакого я не хотела. Ну мужчина, подумаешь! Хамло он редкостное, даром, что симпатичный. Мало, что ли, симпатичных? Вот Олег, например..." - от мысли об Олеге ее самым натуральным образом сплющило. И вероятно, лицо ее в этот момент выдавало такую гамму чувств, что Егор вдруг язвительно рявкнул:

- Все, уже выхожу! Прошу великодушно простить за неприятное соседство!

Он спрыгнул с подножки и отошел на несколько шагов. Слава стоял у низкого забора и быстро смолил что-то навряд ли самокрутки - искры разлетались в воздухе, будто миниа-

тюрный фейерверк.

Варвара ошалело посмотрела вслед Столетову: это сейчас кто кого обидел?

Егор обернулся.

Варвара приподняла полы шубки и вытянула ногу, нащупывая подножку и продолжая смотреть на него. Это было похоже на какой-то гипноз, объяснения которому она просто не находила. Каблук соскользнул, и вот она, вскинув руки, уже летит навстречу сугробу...

Егор успел подхватить ее за воротник, и теперь Варвара, барахтаясь руками в воздухе, висела в полуметре от земли, с ужасом прислушиваясь к тому, как трещат шубные крючки.

- С-спасибо... О-отпустите меня, пожалуйста...

- Ну что же ты, Варвара! А говоришь, летать привыкла! - хохотнул Слава и отбросил окурок. - Сейчас к бабке Любе заскочим. Отогреешься у нее, а я печку истоплю во-он в том доме, - он указал на домишко ниже по дороге. - Там тебя и поселим.

- А кто хозяйева? - Она стала судорожно отряхиваться, стараясь не смотреть на Столетова. Впрочем, он тут же отошел от нее, словно ему было неприятно даже стоять рядом.

- Так нет хозяев! Уехали год назад, как на пенсию вышли. Сертификат по выслуге получили и адъё - на материк. Так что, там и кровать, и утварь кой-какая осталась. Чего старье с собой везти? Ладно, заходь!

Слава протопал за забор и забарабанил по обитой дермати-

тином двери:

- Люб, а, Люб! Принимай гостей!

Не дожидаясь ответа, он дернул дверь на себя и подмигнул Варваре и Егору:

- Если правда, что она все видит, так, должно быть, уже в курсах, что мы к ней приперлись! Эх, кажись, блинцами пахнет!

Потолок в сенях был кривой на одну сторону, и казалось, что и пол немного уводит набок. Во всяком случае, Варвару качнуло, отчего она опять уперлась плечом в Столетова.

- Извините, - шепнула она, - оступилась в потемках.

Громко потопав ногами и стряхнув с одежды снег, Слава вошел внутрь избы:

- Эгей! Кто дома?

- Чего разорался? Чай, не у себя дома орать-то! - донеслось в ответ, и перед ними оказалась укутанная в шаль женщина неопределенного возраста, ростом, как показалось, Варваре, едва ли выше полутора метров.

Оглядев гостей, она сделала жест рукой - мол, проходите.

- Здравствуйте! - отозвалась Варвара и распахнула шубку.
- Очень приятно познакомиться, Любовь...

- Бабка Люба зови! - отмахнулась женщина. - Я привычная. С чем пожаловали? - она прищурилась, остановив взгляд на Столетове.

- Я ненадолго, - тут же сказал Егор. - Сказали, у вас лекарство для собаки можно взять. Я заплачу, - он полез в на-

грудный карман.

- Для собаки? - женщина усмехнулась. - А что сам-то огрызаешься аки псина?

- Что? - обомлел Егор.

- Женщину красивую обидел... Подумал про нее плохо.

- Ну, все, кранты, ребята! Понеслось! - крикнул Слава.
- Люб, ты бы без этих своих как-нибудь, а? Девушка у нас из самой Москвы пожаловала. Репортаж, значит, делать. А у тебя одна "Битва экстрасенсов" на уме!

- Репортаж - это хорошо. - Бабка Люба склонила голову к плечу. - Для репортажу у меня тоже есть, что сказать.

- Ну вот и поладили! Побёг я к Черемухиным, печь натоплю. Варвара у них ночевать будет. Дом запомнила? - спросил он у Вари.

- Ага, - кивнула она и стала стаскивать сапожки. - А там душ есть?

- Джакузи, епрст! - хохотнул Слава. - Ты уж с Любой договорись насчет бани. Может, завтра? Я вам и воды натаסקаю, и спинки веником похлещу!

- Иди уже! Похлещет он! - замахнулась на него полотенцем Люба. - Жене своей веником грози!

- Все! Ушел! Покеда!

- А ключи? - крикнула вдогонку Варвара.

- А от кого нам тут запираяться? - пожала плечами Люба.
- Не бойсь. Божья земля... Или ничья... Никак не разберусь. Говоришь, для собаки тебе? - обратилась она к Егору.

Столетов прислонился к стене и мрачно взирал на Варю.

- Да. Привязался пес. Тощий, больной, наверное.

- И что же ты с ним сладить не мог? - Люба одернула занавеску, за которой оказались банки и коробки.

- Сладил. Просто подумал, что специальные препараты нужны, а у меня только... - он замолчал.

- На неделе Славка в Белозерск поедет, привезет тебе, что нужно. А пока, на вот, - она протянула ему бутылку из темного стекла. - Добавь в воду.

- Зелье, что ли? - скривился Егор.

- Самое что ни на есть ведьмовское.

- Так это правда, что вы гадать умеете? - спросила Варвара и села за простой деревянный стол у окна.

- А ты хочешь, чтобы я и тебе погадала?

- Даже не знаю... - смутилась она и бросила взгляд на Столетова.

Егор покрутил в руках бутылку:

- А не сдохнет?

- Так коли до тебя дошел, не сдох, с тобой и подавно выживет, - пробурчала Люба.

Столетов сунул бутылку в карман и достал портмоне:

- Сколько?

- Вот чудак... Бери за так, - Люба поставила посреди стола тарелку с блинами. - Али вот с нами садись? Пообщаемся.

- Нет, я пойду. Пора мне.

- Да вот и девушке пора, а она все одна... - пробормотала

Люба, хмуря тоненькие брови.

- Пора? - эхом отозвалась Варвара. - Куда пора?

- Мужика своего от жены уводить, - отчетливо заявила Люба. - Вижу, что запал он на тебя.

- Зачем вы... - охнув, вскочила Варвара. - Я... Это неправда! Я вовсе не хотела!

- О как! - Столетов открыл дверь и как-то странно посмотрел на Варю. - Ну-ну! Ладно, бывайте!

Дверь захлопнулась. Над порогом взметнулись не успевшие растаять в сенях снежинки.

Варвара опустила на стул, оглушенная только что услышанным. Закусив нижнюю губу, она положила руки ладонями на стол и сказала:

- Я не знаю, откуда вы все это взяли, но... Я не собираюсь никого ни у кого уводить. Я так решила.

- Решила она, - хмыкнула Люба и поставила на стол пузатую бутылку с мутноватой жидкостью. Вытащив пробку, втянула носом запах и довольно улыбнулась.

- И вообще, - Варвара передернула плечами. - Вы все придумали!

- Так что же, я, по-твоему, вру?

Варвара скрипнула зубами. Неужели гадалки никогда не врут? Врут! Еще как...

С таким лицом только в монахи

Хлопнув дверью, Егор вышел на улицу и, остановившись на крыльце, втянул всей грудью морозный воздух.

- Что б тебя... - сказал он непонятно кому и, прихватив пригоршню снега, обтер лицо. Но оно продолжало гореть, будто внутри полыхал костер, испепеляя и кожу, и мышцы, и кости.

Ни холодный скрипучий воздух, ни бьющий по глазам белый цвет не могли избавить его от жаркого неумного желания, вдруг возникшего еще в грузовике. Дураком надо быть, чтобы не понять, что за оказия с ним вышла. Молодая курносаة девчонка с этими ее накрашенными губками и пахнущими чем-то женским, свежим и сладким волосами. Городская фифа с отвратительным и приставучим характером, которую за каким-то чертом занесло в их глухомань. Ах, да, журналистка! Они все такие - прилипчивые, словно банный лист.

Понятное дело, тут прижалась, там ресницами похлопала. И вроде, не специально, а взбаламутила в нем все. Укуталась в эти свои глупые, ни фи́га не греющие меха, тонкими ножками перебирает, дрожит, а строит из себя! Столичная прес-са, куда деваться.

Вот и Юлька его такая же - шубки, колечки, пальчики, коленочки...

- Тыфу! - он в сердцах мотнул головой и пошел прочь от дома.

Грузовика уже не было, но Егор знал, что тот стоит тут же неподалеку, во дворе одного из приземистых домов. Он остановился посреди дороги и подумал, что можно зайти к Славе, поговорить насчет его поездки в Белозерск. Переломить себя, человеком вновь почувствовать, но от него ведь потом не отвяжешься. Начнет выпытывать, что да как, про эту московскую дамочку наверняка заговорит... Ну его. И ее. Со своими бы проблемами справиться. А они вот, налицо - то бишь, в штаны упираются. Дребедень какая-то, ей-богу!

Егор направился к берегу, где оставил лыжи и палки.

"Скоро темнеть начнет, надо бы поторопиться, чтобы свечи ввечеру понапрасну не жечь, и керосинку не палить. Еды успеть сготовить, печь подтопить, пса этого несчастного до ума довести. Жив ли?"

- Да жив, чего ему сделается? - пробормотал вслух. - Раз до меня дошел и не околел, то и... Вот ведь ведьма! И как это у нее получается? - Егор цокнул языком: - Это она про Юльку, что ли? Ее, красивую, я обидел? Ой, нет, бабка Люба, ничего-то ты не ведаешь. Красивая...

Красота Юли была яркой, современной и модной. Собственно, это он сам и сделал ей и точеный коротенький носик, и скулы, и аккуратный подбородок. Удалил комки Биша и приподнял верхние веки, отчего взгляд Юлечки стал по-детски наивным и притягательным. И, разумеется, грудь.

Она вообще стала его подарком на восьмое марта вместе с изумрудным гарнитуром. Егор Столетов резал, пилил, надувал, вкалывал и натягивал, но Юлечка все еще оставалась недовольной. Каждое утро начиналось с нытья о том, что тут висит, там выпирает, а вот у Маши, а вот у Даши... Инстаграм пестрил одинаковыми мордашками, и именно их он наблюдал не только в клинике, но и в своем доме.

Но случались и хорошие дни - это когда Егор действительно чувствовал себя творцом. Однажды, еще в первый год работы, к ним обратилась мама с дочкой. Девчонка упала с велосипеда на арматуру и изодрала лицо и шею. Пятнадцать лет - трагедия. В обычной больнице, конечно, сшили, подлатали, но появились рубцы. Пришли на консультацию, а ценник-то, мама не горюй. Послушали, посчитали, молча встали и пошли. Он их от двери окликнул, будто кто-то за язык дернул. А может, и дернул. И правильно сделал. Димка потом верещал, калькулятором в нос тыкал - палата, уход, процедуры... Не понять ему, какое удовольствие результат своего труда наблюдать, повязку снимать и видеть счастливые глаза. Но у него, конечно, свой взгляд на все. Без него бы он так и работал за зарплату рядовым хирургом.

Юлька тоже тогда фыркала, ругалась. Мол, клиника не для нищих. А сама-то, можно подумать, дочь олигарха. И когда только в ней все это проявилось? Или сразу было, а он не заметил? Повелся на ее хотелки. Умела она его уговорить. А он и рад стараться - хотелось знания и умения свои при-

менить, мужиком себя ощутить. Применил, блин. Очнулся, а рядом чужая женщина. Да, красивая, отполированная. И вроде, голос тот же, а... И в постели ерунда какая-то началась. Он на усталость все списывал, потому что в выходные стал в областной больнице подрабатывать. Больше за интерес, конечно. Чаше ассистентом. На отделении челюстно-лицевом. Вот там посмотрелся на беды людские. Ну и практика, куда же без нее. А постель, а что, постель? Сам виноват, наверное.

Егор обстучал лыжи и положил их на землю. От берега через озеро еще вела едва различимая лыжня. Но ветер уже поднимался, ворошил снег, заматавая синеватый след.

У этой приезжей фифы, на удивление, все было своим, родным. И потому привлекательным. Даже уши, - Егор усмехнулся, - немного лопоухие, они придавали ее внешности особенную пикантность. Он сразу заметил, что она постоянно поправляет волосы, тем самым притягивая к себе еще больше внимания.

Но, судя по тому, что он успел услышать в доме у Любы, она тоже не была невинной овечкой. Что-то там прозвучало про женатого мужика и про то, чтобы его увести. А вспыхнула-то, заметалась! Сразу видно - правда. Эх, бабы, бабы... Одно только у вас на уме.

Егор крепче схватился за палки и оттолкнулся от берега. Под ногами зашоркало, засвистело. Ничего, свежий воздух, физическая нагрузка и глубокий сон лучше всего лечат

от неприличных мыслей. Живой человек, бывает. Живут же монахи без всего этого? Он вот и сам уже сколько времени на сухом пайке. Ничего... Как-нибудь сладится. А фифа, она и есть фифа. Да и напугал он ее своим видом - зарос, зачерствел. Не чета московским пижонам. С таким лицом, как у него, реально только в монахи.

- И ладно...

Страсти

- Да ты никак обиделась? - всплеснула руками бабка Люба.

- Вот взбалмошная...

- Нет, просто, - Варвара опустила голову и поскребла пальцем столешницу, - неприятно стало. Я ведь правда совсем не хотела, чтобы так... Я думала, что он... что я... А сейчас, как вспомню, сразу душой себя чувствую. Вот если вы это просто так сказали, в шутку или, не знаю, на понт меня взяли...

- На понт! - фыркнула Люба и погрозила ей кулаком. - Слова-то какие! Тюремные, прости господи! Ты чай образованная, по лицу видно. Вот и говори нормальным языком. А энтих-то выражений я наслушалась за свою жизнь и боле не хочу.

- А, вы про колонию? - догадалась Варя. - Только это слово не жаргонное, правда-правда! Им еще аристократы во времена Пушкина пользовались во время карточной игры.

- Ох ты! Ну надо же... Раз Пушкин, то, конечно, да... А у нас здесь все одно - тюрьма... С нее и кормимся.

- А почему вы отсюда не уехали?

- Некуда мне ехать, дом мой здесь. Чего шататься под старости лет? К мужу приехала, с ним и останусь.

Варвара скосила глаза и мельком осмотрелась.

Разумеется, никакого присутствия Любиного мужа она не обнаружила. Даже фотографии на стене не висели, только

несколько вышитых икон. Ей бы спросить о том, давно ли хозяйка здесь живет, и как тут все устроено, да уж больно разговор между ними сразу завязался странный. Теперь и не поймешь, как дальше его продолжать. А надо. Судя по всему, бабка Люба из старожилов острова и знает об этих местах много всего интересного.

- Я тут пятнадцать лет живу, - словно прочла ее мысли Люба и стала накрывать на стол. - Переезжать почему не хочешь? А зачем? Хозяйство у меня здесь, огород, кур по весне развожу. Кто тебе скажет, что здесь жизни нет, - она подмигнула, - верь! Как есть - верь! Для молодежи, вроде тебя, скучно и тошно. А по мне так в самый раз. И Славка привыкший. Когда электричество не сбоит, так вообще красота! Топить приходится самим, но тут уж дело привычки... - Люба положила перед Варей щербатую доску, нож и буханку черного хлеба. - Режь пока. Сейчас щец похлебаем. И не смотри на меня овечьими глазами! Я тебе сказала то, что увидела.

- Его увидели? - тихо переспросила Варя.

- Может, и его, откуда мне знать? Кольцо на пальце, значит, женат.

Варя вздохнула и пододвинула к себе доску.

- Мы когда с ним встречаться начали, он свободный был. Не то чтобы я думала о свадьбе... - она на секунду задумалась, а затем вонзила лезвие ножа в горбушку. - Вот о чем я тогда думала? Глупая была.

- А сейчас что, поумнела? - Люба поставила в простенькую

микроволновку миску со щами и мелко перекрестилась.

Варвара не удержалась от усмешки, и Люба тотчас это заметила.

- Смешно ей! А я вот боюсь, не закоротило бы! Садись давай. Рюмашку достань с полки.

- Нет-нет, спасибо, я как-то не готова сейчас. Мне бы поговорить. На свежую голову.

- И то верно, скоро Ермоленко припрется, на уши присядет.

- Меня проверять придет?

- Да нет, за настойкой. Взаимоукрепляющей. Нам тут без этого никак.

- Почему? - Варвара положила в щи ложку сметаны и отложила кусок хлеба.

Люба вдруг посмотрела на входную дверь и сказала непонятную фразу, от которой у Вари побежали мурашки по коже:

- Вон человек стоит. Измученный недоверием. Сколько хорошего мог бы еще сделать, а дорога-то его под склон идет...

Варвара отложила ложку и поёжилась.

- Вы про кого?..

Ей вдруг стало очень страшно и почему-то подумалось о Столетове. Но ведь не про него говорила бабка Люба, точно не про него... Тут и Слава недавно был. А хозяйка всё продолжала смотреть на дверь, будто там действительно сейчас

кто-то стоял.

- Баб Люба?

- Ась? - женщина перевела на нее рассеянный взгляд, а затем, встряхнувшись, улыбнулась: - Ты ешь, ешь! Я вот что подумала: баню все-таки надо для тебя истопить. Баня любую хворь вытянет.

- Так я не болею, - осторожно возразила Варя.

- Да как же не болеешь? Мотает тебя как березку на ветру. Боишься, что с корнем вырвет. А бояться не надо. Семь раз отмерь, пять раз отрежь и три раза склей. Никто тебя не осудит, все не без греха.

Варвара вообще перестала что-либо понимать. От этих словесных загадок у нее в голове образовался полнейший кавардак. Но, с другой стороны, если в репортаж вставить вот эдакое-то местное колдовство, явно веселее будет. Тоже своего рода мистика. Странненькая, конечно, но за фольклор сойдет. Знахарка, раздающая зелья и советы от всех хворей направо и налево. Ванга местного, новозерского разлива. Главное, самой не воспринимать всерьез. Хоть и ляпнула лишнего про свою личную жизнь, но имен не называла, да и от ненужных подробностей бог отвел. Страсти страстям рознь.

- Я не против бани, конечно. С дороги помыться не мешает. Мне бы еще узнать у вас что-нибудь эдакое, мистическое. Слава рассказал о монахе, - Варя кашлянула, - с факелом. Хотелось бы и вашу версию услышать.

Люба опустила на стул и подперла щеку кулаком.

- Вот мой муж бы тебе рассказал о том монахе... Видел он его.

- Да вы что?! - выпучила глаза Варя и отправила в рот полную ложку кислых щей.

- Вот тебе крест! Сам мне рассказывал о том. А Родя мой мужик был серьезный. Больной только. Поздно мы с ним встретились, всего годок вместе провели. Уж я с него хворь снимала, но... По врачам он до меня ездил, да лучше не становилось. Почитай, сожрала его работа в тюрьме энтой. А со мной ожил хоть ненадолго. - Люба коротко вздохнула.

- Думаете, его встреча с монахом не к добру была?

Люба пожала плечами:

- А шут его знает. Кабы я сама видела, сказала бы. А так врать не буду. Родька говорил, что, мол, надо было у монаха попросить милости какой, а он испужался, за дерево спрятался. Не замешкался бы, глядишь, полюбовь свою раньше встретил, меня, то есть, - Люба собрала со стола хлебные крошки в ладонь и отправила их в рот.

- Страсти какие... - прошептала Варя. - А вы откуда про людей все знаете?

- А я и не знаю. Само как-то получается.

Они замолчали. Громко тикали ходики. Варвара доела щи и подтерла тарелку оставшимся кусочком хлеба.

- Я, наверное, пойду пока. Вещи разберу, освоюсь. Очень вкусно, спасибо! Я помогу убрать.

- Что ты, что ты, - отмахнулась Люба. - Иди, а к вечеру приходи. Часов в восемь. Вода у меня в бане есть, с озерной полыни. Ведра три. Обмыться хватит. А Ермоленко я попрошу дров натаскать. Он не откажет. Шибко топить не буду, погреться только. А там мы с тобой и настоячки с устатку выпьем.

- Взаимоукрепляющей?

- Ага. Спать будешь крепко. А за сном и мысли правильные появятся. И страх уйдет.

- Разве я боюсь? - фыркнула Варя.

- Боишься... За себя боишься. Потому и слабой себя чувствуешь. А как за другого сердце встрепенется, откуда только силы возьмутся.

Сезон отчаяния

- На вот тебе бельишко, - баба Люба сунула Варе пахнущую мятой разноцветную стопку. - Подушка и одеяло там есть. Месяц назад приезжал проверяющий на Огненный, так у Черемухиных останавливался.

- Что-то вроде гостиницы, да? - со вздохом спросила Варвара.

- Не знаю, я в гостиницах этих ваших не была. У них просто дом покрепче. Вот мы его по осени и по зиме протапливаем, чтобы лишай не завелся. Дом-то ведь живой, без заботы погибает. Вон у нас двухэтажный стоит - раньше в нем руководство жило, а потом, как на материке им свою "Санта-Барбару" отстроили, пустует. А как там жить без отопления? Печки не предусмотрены. Ладно, беги, осваивайся. А я баней займусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.